

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Сафронова Елена Юрьевна

**СИБИРСКИЙ ТЕКСТ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:
биография, эпистолярный, творчество**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре общей и прикладной филологии, литературы и русского языка факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета

Официальные оппоненты – Кибальник Сергей Акимович – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

Богданова Ольга Алимовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, профессор

Борисова Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

Защита диссертации состоится «13» мая 2021 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские Горы, д.1, стр. 51, 1-й учебный корпус МГУ, филологический факультет.

E-mail: ruslit@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27)

С диссертацией, а также со сведениями о регистрации участия в удаленном интерактивном режиме в защите можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/358168389/>

Автореферат разослан «9» марта 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д. ф. н.

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование локальных текстов как символически целостного пространства культуры является одним из приоритетных направлений гуманитарной науки конца XX–начала XXI вв. Реконструкция В.Н. Топоровым Петербургского текста русской литературы стала фундаментом и катализатором дальнейших исследований в этом русле и была продолжена в трудах Ю.М. Лотмана, В.И. Тюпы и др.¹. На формирование и развитие методологических принципов изучения городского пространства существенное влияние оказали также работы И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, К. Линча, В.В. Абашева, Н.Е. Меднис, О.А. Лавреновой, Н. Башмакофф и др.², закрепив интерес литературоведения к геокультурным аспектам национальной словесности, проблемам поэтики и семиотики локального текста.

«Традиция исследования локальных текстов стремится к реконструкции семантических параметров того или иного территориального мира»³. Стало общепризнанным понимание локуса как особого и самодовлеющего объекта художественного осмысления, некоего целостного единства, обладающего сильным энергетическим полем⁴. В.В. Абашев дает определение «локального текста» как парадигматически и синтагматически структурированного смыслового единства, воспроизведенного во множестве отдельных авторских и анонимных текстов (художественных, документальных, публицистических), во всем многообразии речевых жанров, объединенных предметом описания и высказывания – определенным локусом⁵. Особенно продуктивным представляется исследование В.В. Абашева, где литература рассматривается во взаимосвязи с географическим пространством, изучается история формирования и параметры локального – пермского – текста, а также роль геопоэтических образов в становлении территориальной идентичности, рассматриваются проблемы прагматики литературного текста.

Постепенно на смену столичным топосам: Петербургу (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, В.И. Тюпа), Москве (Т.А. Алпатова, С.А. Джанумов и др.), Риму

¹ А.М. Ранчин считает «петербургский текст» как «уникальный феномен русской словесности» авторским понятием В.Н. Топорова и поэтому возражает против существования других локальных текстов в принципе. См. *Ранчин А.М.* Филология и философия: В.Н. Топоров и изучение древнерусской агиографии // Россия XXI – 2011. Вып. 1. С. 149-150.

² См., например, *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. – СПб.: Искусство – СПб, 2003; *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. – Тарту, 1984; *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27-35; *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга. – М.: Книга, 1991; *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. – НГПУ, Новосибирск, 2003; *Башмакофф Н.* Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование / под ред. Т.В. Обатнина и П. Песонена. – М., 2006; *Лавренова О.А.* Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: провинция и её локальные тексты. – М., 2004; *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. – М., 1982 и др.

³ *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX–начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореферат дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01 / Том. гос. ун-т. – Томск, 2005. С. 3.

⁴ *Топоров В.Н.* Ук. соч. С. 261.

⁵ *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. С. 18, 60.

(К. Скандура, Т.Л. Владимирова), Лондону (Л.С. Прохорова) пришло изучение текстов русской провинции – Пермь (В.В. Абашев), Крым (А.П. Люсый, С.И. Курьянов), Северный (Поморский) текст (В.А. Кошелев, Е.Ш. Галимова), Сибирский текст (В.И. Тюпа, К.В. Анисимов и др.), Алтайский текст (Т.Г. Черняева, С.М. Козлова, О.Г. Левашова, А.И. Куляпин и др.)⁶ и т.д. Так, Сибирскому тексту посвящен целый ряд коллективных исследований: «Сибирский текст в русской культуре» (Томск, 2002, 2007), «Сибирь в контексте мировой литературы: опыт самоописания» (Томск, 2003), «Сибирь: взгляд извне и изнутри: духовные изменения пространства» (Иркутск, 2004), «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» (Красноярск, 2010); «Алтайский текст в русской культуре». Вып. 1-7 (Барнаул, 2002, 2004, 2006, 2008, 2013, 2015, 2017, 2019) и т.д.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, потребностью в научном изучении обстоятельств и деталей пребывания Ф.М. Достоевского в Сибири с привлечением и внедрением в научный оборот новых архивных документов. Во-вторых, необходимостью осмысления сибирских произведений писателя в контексте жизни русской провинции середины XIX века, системного описания сибирского текста Достоевского, его миромоделирования в художественном творчестве. В-третьих, актуальность работы обусловлена обостренным вниманием современной филологической науки к проблемам имагологии, поэтике и семиотики локального текста, геокультурным аспектам национальной словесности. В-четвертых, возрастанием научного интереса к междисциплинарным исследованиям, взаимодействию литературы и истории, культурологии, географии, краеведения, психологии творчества и др.

Степень научной разработанности проблемы. Взаимоотношения Достоевского с провинциальной Россией посвящены исследования целого ряда ученых. Неоднократно ставились вопросы топонимии и топографии провинциального города в романах «Бесы», «Братья Карамазовы» в соотношении с реальными топосами. Наиболее изученным в этом аспекте, безусловно, является романский Скотопригоньевск и Старорусский текст писателя. Исследованием данной темы занимались многие ученые: М.С. Альтман (1976), В.Я. Кирпотин, (1983), Л.М. Рейнус (1985, 1991) Г.М. Фридендер (1991), Г.И. Смирнов (2001), Ю.В. Юхнович, (2017, 2018), К.П. Смольняков (2009, 2013) и др.

Проблеме «Достоевский и Казань» в аспекте взаимосвязи писателя и культуры русской провинции второй половины XIX–начала XX вв. посвятила диссертацию Е.Г. Кузнецова (2008).

Гораздо менее осмысленными в науке о Достоевском являются сибирские города. В этом отношении продолжает господствовать представление о «далекой и глухой Сибири»⁷ как пространстве, кардинально отличающемся

⁶ См., например: *Абашев. Ук. соч.*; Северный текст русской литературы: сборник. Вып. 1 / сост. Е.Ш. Галимова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2009; Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. науч. ст. – Архангельск, 2010.

⁷ *Кирпотин В.Я.* В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. 4 книга, апрель 1959. С. 211.

от столичных городов, не требующем дополнительных разысканий: «различие между Петербургом и Сибирью производило впечатление неимоверно резкого контраста, особенно сильно действующего на психику Достоевского, вообще склонного к поляризации итогов»⁸. К сожалению, без детального анализа и обращения к местным архивам такие утверждения остаются на уровне риторики. В настоящий момент необходимо как целостное, так и дифференцированное изучение локального пространства с определением ключевых топосов и их роли в творческой эволюции писателя.

Рефлексии над омским текстом Достоевского посвятили свои исследования М.М. Громько, Е.А. Акелькина, В.С. Вайнерман. Связи кузнецкого пространства с жизнью писателя уделяли внимание В.Ф. Булгаков, А.С. Шадрин, М.М. Кушникова, В. Тогулев, О.С. Голуб, И.А. Пушкарева, И.В. Минович, Е.Д. Трухан, Е.Р. Мингазова, И. Червяков и др. Локальный текст Семипалатинска затрагивали в работах В.А. Туниманов, В.Н. Алекин, Н.И. Левченко, А.В. Архипова, В.И. Габдуллина. Фактически неизученными в художественном творчестве, публицистике и эпистолярной автореграфии остаются города Тобольск (М.М. Громько, В.Н. Захаров) и Барнаул (Е.Ю. Сафронова).

Тема специфики барнаульского и шире – алтайского и сибирского – текста Достоевского как целостного феномена скорее ставилась, чем решалась, оставаясь задачей будущего. Между тем поиском и выявлением более глубоких связей Достоевского с Барнаулом и Сибирью движет не праздное любопытство, поскольку «...даже самые незначительные связи писателя с провинцией имеют выход к художественному произведению и пониманию творческой индивидуальности художника слова»⁹. «Мелкая подробность, вновь открытый факт иногда по-новому позволяют взглянуть на писателя, а порой пролить дополнительный свет на его произведения»¹⁰.

Как нам представляется, в отношении Сибири в достоевистике сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, пришло осознание принципиальной значимости этого периода для художественной эволюции писателя в целом. Так, например, П.Н. Сакулин справедливо отметил, что «творчество Достоевского, в том числе и его большие романы, обязаны своим происхождением сибирскому периоду», «все зрелое творчество Достоевского корнями уходит в годы каторги и ссылки, когда перед художником-мыслителем во всей сложности встали вопросы русской жизни и трагически обнажились бездны человеческого бытия»¹¹. Более полувека назад В.Я. Кирпотин утверждал, что «в сибирском периоде биографии Достоевского таятся ключи для объяснения многих особенностей его дальнейшего развития и творчества с их разительными противоречиями»¹². Однако, не подкрепляясь детальным, развернутым анализом произведений, такие утверждения остаются,

⁸ Там же, с. 212.

⁹ Кузнецова Е.Г. Ф.М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX–начала XX вв.): Автореф. дисс... к. филол. н. 10.01.01 – русская литература, 2008. С. 4.

¹⁰ Маркин П.Ф. Достоевский в Барнауле (факты и домыслы) // Алтай. 1985. № 3. С. 92.

¹¹ Сакулин П.Н. Второе начало // Достоевский Ф.М. Письма. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930. Т. 2. С. 545.

¹² Кирпотин В.Я. Ук. соч. С. 211.

увы, декларативными. Тема «Достоевский и Сибирь» остается недостаточно разработанной и находится на периферии внимания ученых в связи со скудостью и труднодоступностью сведений об этом этапе жизни автора и конспиративной осторожностью, к которой вынуждены были прибегать писатель и его окружение. Несмотря на появление в последние три десятилетия целого ряда работ, посвящённых сибирским произведениям (Р.С.-И. Семькина (1992, 1996, 1998), В.Н. Захаров (2013), С.А. Кибальник (2013), В.И. Габдуллина (2016), И.В. Фазиулина (2005), Н.А. Нестюричева (2013), Н.А. Макурина (2018), С.А. Скуридина (2019) и др.), назвать этот период творчества писателя глубоко и всесторонне изученным было бы преждевременным.

Почти столетие назад ученый-краевед, православный священник Б.Г. Герасимов (о. Борис) справедливо отмечал: «Жизнь Достоевского в Семипалатинске почти не освещена в литературе. Заслуживают внимания воспоминания Врангеля. Есть несколько мелких заметок в разных периодических изданиях и – почти все»¹³. Но и в современной науке существуют огромные лакуны, касающиеся как биографических сведений о Достоевском в их научной полноте, так и интерпретации сибирских произведений писателя. Предметом систематического изучения проблематика пока не стала, правильнее говорить только о подступах к теме, сибирский текст Достоевского изучен пока слабо и мозаично, в нем еще много «белых» пятен. Многие даты, обстоятельства, детали пребывания писателя в Сибири неизвестны во всей полноте и достоверности. Многие события приобрели мифологический ореол, тиражируются в искаженном, не вполне точном виде, не соответствующем фактической стороне происшедшего.

Источники сибирского текста писателя можно поделить на три группы.

Первая – мемуарные и эпистолярные свидетельства. В первую очередь это воспоминания барона А.Е. Врангеля (1912), П.П. Семенова-Тянь-Шанского (1946, 1990), Б.Г. Герасимова (1919, 1926, 1927), П.К. Мартыанова (Достоевский в воспоминаниях..., 1991, Т. 1, с. 333-344), Ш. Токаржевского (Достоевский в воспоминаниях..., 1991, Т. 1, с. 325-332), переписка Достоевского. С появлением издания «Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников» эта группа обогатилась свидетельствами Н.М. Ядринцева, Н.Ф. Каца, Н. Яковлева, Н.В. Феоктистова, А. Иванова, П.М. Кошарова, А.В. Скандина, Б.Г. Герасимова, В.Ф. Булгакова¹⁴.

Вторая группа состоит из исследований биографического характера и представлена работами Н.И. Якушина, М.М. Громыко, Н.И. Левченко, Н.Н. Наседкина, В.С. Вайнермана, А.С. Шадриной, М.М. Кушниковой, В. Тогулева, Е.Д. Трухан, В.Ф. Гришаева, П.Ф. Маркина. При этом М.М. Громыко и В.С. Вайнерман ограничились омским периодом жизни писателя, Н.И. Левченко больше интересуют семипалатинские события,

¹³ Герасимов Б.Г. Ф.М. Достоевский в Семипалатинске // Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 119.

¹⁴ Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., Андреев и сыновья, 1993. С. 67-160.

а П.В. Бекедина, А.С. Шадрину, М.М. Кушникову, В. Тогулева и Е.Д. Трухан – кузнецкий контекст биографии автора. Наибольший вклад в изучение биографического барнаульского контекста внес историк В.Ф. Гришаев, работавший в Государственном архиве Алтайского края. В его статьях «К пребыванию Достоевского на Алтае», «Достоевский на Алтае», «“Именно в Барнаул...” (Ф.М. Достоевский на Алтае)» (Гришаев, 1985, 2000, 2001) импонирует фактическая точность и скрупулезность. На основании формулярных списков архивных дел он уточнил сведения о ближайшем круге знакомых Достоевского: В.А. Полетике, Н.Э. Пишке, С.Б. Коптеве, А.Р. Гернгроссе. Однако его разыскания, выполненные только на материале Государственного архива Алтайского края¹⁵, скупы, недостаточны, не имеют выхода к эпистолярному и художественному наследию Достоевского.

В третью группу входят работы ученых, занимавшихся анализом отдельных сибирских мотивов: О.Г. Левашовой, В.И. Габдуллиной, А.В. Архиповой, К.В. Анисимова, Е.Ю. Сафроновой и др.¹⁶

Важно учитывать, что для писателя время, проведенное в Сибири, – это время переоценки ценностей, личностного самоопределения и поиска новых нарративных стратегий. Главной задачей было возвращение в литературу, возобновление писательской карьеры. Поэтому для нас исходной точкой анализа сибирских произведений является восприятие Достоевским своих повести «Дядюшкин сон» и романа «Село Степанчиково и его обитатели» как рубежных, выполняющих роль вторичной творческой инициации. В науке давно назрела необходимость целостного, всестороннего анализа этих произведений в контексте принципиально нового, необычного для писателя сибирского опыта. В период каторги и солдатчины, первой любви Достоевский почувствовал иную «концентрацию» жизни: обстоятельства, мелкие детали, встречи с современниками обладали для писателя большой суггестивной значимостью. В настоящий момент ощущается научная потребность в системном описании художественного мира писателя с пристальным вниманием к малейшим деталям, что позволяет приблизиться к авторскому замыслу и адекватно интерпретировать, раскрыть своеобразие творческой манеры и нарративной структуры текстов.

Резюмируя вышесказанное, констатируем, что тема «Достоевский и Сибирь» при всей ее значимости для понимания творчества писателя, источников его творческой рефлексии, грамотного научного комментария, глубокого осмысления сибирского окружения, остается периферийной и недостаточно изученной. В современном литературоведении локус Сибири в творчестве Достоевского изучен мозаично и не был предметом целостного научного осмысления. Отсутствуют монографические работы, целенаправленной установкой которых является системное и глубокое исследование сибирских произведений Достоевского как метатекста.

¹⁵ Далее – ГААК.

¹⁶ Более подробный анализ исследований сибирского периода жизни и творчества писателя с описанием основных тенденций изучения дан в обзорной статье: Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского: проблемы и перспективы // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 54-96.

Достоевсковедение подошло к такому рубежу, когда дальнейшее развитие науки, ее качественный рывок возможны только при обращении к архивам, особенно в контексте того, что с течением времени информация может оказаться безвозвратно утерянной.

Объектом исследования в диссертационной работе является биография, эпистолярное и творческое наследие Достоевского, а **предметом** — сибирский текст писателя, репрезентированный в художественных текстах: повести «Дядюшкин сон», романе «Село Степанчиково и его обитатели», «Записках из Мертвого дома» и эпистолярии.

Актуальность и степень изученности проблемы определили **цель** работы — комплексное междисциплинарное исследование сибирского текста Достоевского в единстве биографического, эпистолярного и творческого.

Для достижения цели исследования были поставлены и решены следующие **задачи**:

- 1) найти, систематизировать фактографический материал и вести в научный оборот новые архивные источники, связанные с пребыванием Достоевского на Алтае и в Сибири;
- 2) реконструировать историко-литературный контекст пребывания Достоевского в Сибири, обстоятельства его посещений сибирских городов, обозначить круг общения писателя в период его пребывания в Барнауле и Семипалатинске (знаки-персоналии); описать те места в городе, где он бывал (топографические и топонимические знаки);
- 3) выявить генеалогию некоторых его тем, образов, назвать возможных прототипов героев сибирских произведений;
- 4) рассмотреть и описать знаковые манифестации омского, семипалатинского, барнаульского, кузнецкого, змеиногорского текстов;
- 5) дать развернутый литературоведческий, исторический и культурологический комментарий к сибирским артефактам в творчестве автора;
- 6) реконструировать жанрово-тематическое, художественное и семиотическое единство сибирских произведений Достоевского.

В центре внимания исследования находится наименее исследованный период (1850-59) заключения в Омском остроге, службы в седьмом Линейном батальоне в Семипалатинске, в ходе которого происходили поездки писателя в Змиев (современный Змеиногорск), Сузун, Барнаул, Кузнецк.

В качестве **материала** диссертационного исследования избраны наиболее репрезентативные с точки зрения заявленной темы и принципиальные для творческой эволюции писателя повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели» – произведения, связанные генетической общностью, эстетическими принципами и местом создания, а также эпистолярное наследие и биографический текст Достоевского. За рамками исследования осталась «Сибирская тетрадь» Достоевского, потому что она уже была предметом целостного анализа Т.И. Орнатской, В.Н. Захарова и особенно В.П. Владимирцева, обосновавшего значимость «тетрадки каторжной» как

универсальной «художественно-народоведческой» модели творчества писателя в целом (Владимирцев, 2007). «Записки из Мертвого дома» также представляются достаточно исследованным в науке материалом (Акелькина, 2007; Захаров, 2013; Сафронова, 2006, 2013 и др.) и поэтому привлекаются эпизодически.

Методологической и теоретической основой диссертационного исследования стали фундаментальные труды *по семиотике и структурной поэтике*, предлагающей методику системного описания мотивных комплексов, текстовых ансамблей как единой системы (Ю.М. Лотман, Н.П. Анциферов, В.Н. Топоров, Н.Е. Меднис, И.П. Смирнов, К.В. Анисимов, В.В. Абашев и др.); *компаративистике* (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, Ю.М. Лотман, М.П. Алексеев, Н.Н. Вильмонт, С.А. Кибальник), формирующей фундаментальные основы изучения Своего и Другого пространства в художественных текстах; *мифопоэтике*, определяющей роль мифа и мифологического мышления в репрезентации образов пространства художественных текстов (В.Н. Топоров, А.Ф. Лосев, Б.А. Успенский, О.М. Фрейденберг и др.); *локалистике, мифопоэтической географии* (В.И. Тюпа, К. Линч, М.С. Альтман, В.Я. Кирпотин, Г.М. Фридлендер, В.А. Доманский, О.А. Богданова, О.С. Евангулова, Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова, М.М. Громыко, Е.А. Акелькина, В.И. Габдуллина, В.С. Вайнерман, Ю.В. Юхнович и др.); *имагологии* (А.С. Янушкевич, А.П. Казаркин, Е.Г. Новикова, В.С. Киселев, П.В. Алексеев и др.); *текстологии и научному комментированию* (В.Е. Ветловская, С.В. Белов, В.Н. Захаров, Б.Н. Тихомиров, А.В. Архипова, К.А. Баршт, В.А. Викторovich, С.А. Кибальник, Н.А. Тарасова, Т.Б. Трофимова и др.); *проблеме биографизма* (Л.П. Гроссман, В.Н. Захаров, И.Л. Волгин, Л.И. Сараскина, Б.Н. Тихомиров и др.); *художественному сознанию автора* (Е.К. Созина, Н.Н. Богданов, Е.Н. Холондович, А.Н. Кошечко и др.); *теории жанров* (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.Н. Тынянов, Г.М. Фридлендер, В.Н. Захаров и др.); *краеведческие работы* (И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Н.И. Левченко, Б.В. Бабарыкин, В.Ф. Гришаев, А.П. Окладников, А.В. Старцев, М.О. Тяпкин, О.А. Тяпкина, А.В. Зимирев и др.); *исследования в области стилистики и функциональной лингвистики* (В.В. Виноградов, Л.П. Крысин и др.); *теории текста* (В.А. Пищальникова, А.Ю. Корбут и др.); *дискурс-анализа* (М. Фуко, Т. ван Дейк, В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, И.А. Пушкарева и др.); *ономастики, топонимики и антропонимики* (И.А. Воробьева, М.С. Альтман, О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет, С.А. Зинин и др.).

Методология исследования обусловлена его междисциплинарным характером, обеспечивающим разносторонность, системность и глубину осмысления проблемы. Изучение сибирского текста Достоевского с позиций дискурсивного анализа предполагало рассмотрение художественного, эпистолярного и публицистического наследия писателя, фактов его биографии на фоне текста русской провинции 50-60 гг. XIX века. Используя термин «дискурс», мы понимаем его в широком смысле, как «текст, погруженный

в жизнь»¹⁷, предполагающий множественность интерпретаций; текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими и т.д.). Подобный междисциплинарный подход предполагал привлечение краеведческой, исторической литературы и новых, не введенных ранее в научный оборот архивных источников. Системная реконструкция сибирского опыта Достоевского как творческой лаборатории его произведений, исследования их жанровой, нарративной специфики обусловила применение структурно-семиотического метода. Использованный в диссертации методологический подход базируется на признании текста знаковым структурным единством, разомкнутым в культурное пространство и предполагающим возможность диалога в системах отношений «автор – произведение – читатель» и «текст – традиция – контекст». В качестве дополнительных в диссертации использованы культурно-исторический метод, рассматривающий творчество отдельного писателя в историческом и литературной контексте эпохи; биографический, позволяющий создать исторически достоверную реконструкцию обстоятельств и деталей жизни автора, проследить генезис жизненных событий; типологический, направленный на выявление общего и вариативного. Кроме того, в отдельных случаях также применялся мифопоэтический метод, способствовавший раскрытию связи образов и деталей сибирских произведений Достоевского с мифологической культурной основой; мотивный метод, позволяющий проанализировать повторяющиеся единицы поэтики текстов. Литературоведческие методы анализа дополнены лингвистическими (лингвостилистический, этимологический подходы), историческими (историко-системный), краеведческими (литературный, картографический). Такой комплексный в методологическом плане инструментарий соответствует глубине и сложности материала – художественное, публицистическое, эпистолярное наследие, биографический текст писателя – и специфике междисциплинарного исследования. Соответственно ведущими категориями анализа стали следующие: локальный дискурс, локальный текст, топос, локус, мифологема, жанр, нарративная стратегия, сибирский текст. Исследование отвечает насущной потребности в обновлении методологической базы научного изучения творчества автора, основанной на привлечении нового архивного материала.

Конкретизируя терминологический аппарат и инструментарий исследования, сформулируем рабочее определение понятия, положенного в заглавие работы. Сибирский текст Достоевского – это политекстовое единство биографического, художественного, эпистолярного и публицистического дискурсов писателя, складывающееся вокруг топонима «Сибирь» и обусловленное ценностно-мировоззренческой установкой авторского сознания, формирующей систему нарративных стратегий и своеобразие поэтики. Сибирский текст Достоевского существует в двух ипостасях: непосредственно текст художественных произведений и текст

¹⁷ Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. С. 136.

культуры в целом, включая Сибирь в биографии автора, образ Сибири в художественном сознании писателя, персональную концептосферу сибирского мифа, взаимодействие реальной и мифологической географии Сибири и т.д. Оба аспекта взаимосвязаны и тесно переплетены, вместе образуя локальную структурно-семантическую категорию русской культуры, проявляющуюся в художественном, публицистическом и эпистолярных текстах писателя. Сибирский текст Достоевского в широком смысле формирует символическое поле культуры, тяготея к сверхтексту.

Структура диссертации подчинена общей логике исследования: от поиска и комментирования новых фактов сибирского опыта Достоевского и его окружения к анализу эпистолярия и топоса Сибири в его произведениях. Поиск, осознание себя как писателя в новых условиях и семиотическое осмысление пространства, в котором он оказался, предопределили единую логику анализа художественных текстов: история создания и проблема жанра произведения, новаторство, прототипы, литературные и биографические аллюзии, локальная семиотика текста. Там, где это было возможно, намечены векторы развития сибирских тем и образов в дальнейшем творчестве автора.

Целостность и системность диссертации обеспечивается исследовательской установкой «вглубь»: направление анализа от литературного краеведения к геопоэтике, от топографических деталей – к художественному сознанию автора. Нам представляется важным проследить процесс взаимопроникновения и взаимоотражения фактов биографии и творческих интенций, рассмотреть сибирский опыт как непосредственную художественную лабораторию автора. Важно подчеркнуть, что Достоевский создает художественные тексты не для провинциального, а для российского читателя, творческая лаборатория автора не ограничивается сибирским контекстом, а подразумевает рефлексии на фоне всей мировой истории, литературы и культуры, поэтому направление анализа идет «вслед за автором»: от узко регионального взгляда – к всеобщему, путем извлечения из локальной конкретики факта глобальной закономерности, философского смысла.

Научная новизна работы обусловлена интегративным, междисциплинарным ракурсом рассмотрения проблемы сибирского текста Достоевского как целостного объекта в контексте жизни русской провинции середины XIX века с привлечением и внедрением в научный оборот новых архивных материалов.

1. Найдено и введено в научный оборот большое количество неопубликованных документов, хранящихся в фондах Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области, связанных с Достоевским и его окружением, что позволило зримо представить историко-культурный контекст жизни писателя в провинции 1850-1859 гг., заполнить лакуны биографии писателя и его современников.
2. Подробным и тщательным образом раскрывается история личностных и творческих взаимоотношений Достоевского с современниками. Впервые

системно рассмотрен вопрос связей автора с Барнаулом, Семипалатинском, Кузнецком, Омском, Змеиногорском.

3. В работе систематически изучена личная переписка писателя сибирского периода, воспоминания его родственников и окружения.
4. В диссертации реконструированы, детализированы и уточнены факты биографии Достоевского, послужившие основой его сибирских произведений, выявлены прототипы образов, источники тем, мотивов художественных текстов.
5. В работе впервые сформулированы и концептуально закреплены границы понятия «сибирский текст Достоевского», учитывающего как уникальный опыт автора в Сибири, так и специфику жанра, эстетики и поэтики его произведений, осуществлено комплексное исследование сибирского текста Достоевского в единстве биографического, эпистолярного и творческого.
6. Впервые на материале повести «Дядюшкин сон» и романа «Село Степанчиково и его обитатели», исходя из анализа художественной структуры каждого сибирского произведения комплексно изучена и описана мифологическая концептосфера сибирского городского и усадебного пространства Достоевского.
7. Впервые определено понятие криптотопоса как неназванного, но подразумеваемого с помощью системы обеспечивающих локальную привязку текста аллюзий топоса литературного произведения.
8. Дешифрованы связанные с инациональностью (испанскостью, немецкостью) литературные коды, установлены индивидуально-авторские вариации образов Испании и Германии как контрастные по отношению к персональному авторскому сибирскому мифу Достоевского.

Теоретическая значимость. Полученные в процессе исследования результаты позволяют конкретизировать имеющиеся представления о сибирском периоде жизни и творчества Достоевского, вписать повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели» в историко-культурный контекст жизни российской провинции середины XIX века. Сибирские произведения автора получают неожиданную интерпретацию, художественные образы актуализируют разные неочевидные смыслы и функции. Результаты работы имеют как историко-литературную, так и методологическую ценность. Предложенное понятие криптотопоса обладает большим эвристическим потенциалом и может использоваться в последующих исследованиях художественного пространства. Отдельные научные изыскания автора будут полезны в научном комментировании творчества Достоевского, при издании академического собрания сочинений писателя. Работа открывает новые перспективы исследования сибирского текста, сохранения и развития национальной идентичности. Диссертация сыграет существенную роль в выработке интегрирующей концепции для многоаспектного изучения сибирского периода жизни и творчества Достоевского, для понимания семиотических механизмов освоения национально-символического пространства, нарративных стратегий и поэтики писателя.

Практическая значимость. Прикладное значение материалов исследования определяется возможностью их использования в научно-педагогической деятельности при чтении курсов для студентов-филологов в общем курсе истории русской литературы XIX века, в спецкурсах по региональной литературе, литературоведческой имагологии, межкультурных коммуникациям, по творчеству Достоевского. Результаты исследования имеют просветительский характер и могут быть полезны также в школьном преподавании при создании интегрированных уроков литературы и истории, в музейной среде, историко-краеведческих студиях, туризме, экскурсионных турах по Сибири.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сибирский текст Достоевского – это политекстовое единство биографического, художественного, эпистолярного и публицистических дискурсов писателя, складывающееся вокруг топонима «Сибирь» и объединенное ценностно-мировоззренческой установкой авторского сознания, формирующего систему нарративных стратегий и своеобразие поэтики.
2. Сибирский текст Достоевского существует в двух ипостасях: непосредственно текст художественных произведений и текст культуры в целом, включая Сибирь в биографии автора, образ Сибири в художественном сознании писателя, взаимодействие реальной и мифологической географии Сибири и т.д. Оба аспекта взаимосвязаны и тесно переплетены, вместе образуют локальную структурно-семантическую категорию русской культуры, проявляющуюся в художественном, публицистическом и эпистолярных текстах писателя.
3. Сибирский текст Достоевского обладает семантической связностью, сильным мифогенетическим потенциалом, при репрезентации в художественных текстах сюжетной и нарративной общностью, единством поэтики.
4. Для сибирских текстов писателя (повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели») характерны взаимопроникновение различных жанров, поиск новых художественных форм и стратегий письма. Жанровое своеобразие произведений Достоевского сибирского периода является результатом творческого эксперимента и консолидации разных жанровых моделей в пределах одного текста, отражает глубокие процессы создания синтетической формы, интерференции различных жанрово-моделирующих кодов, задавая вектор для художественных поисков в зрелом творчестве писателя.
5. Избранные для анализа произведения являются художественными экспериментами ссыльного писателя, обладают генетической, эстетической общностью и могут рассматриваться как метатекст. Эти произведения Достоевского являются криптопародиями, в которых «спрятаны» впечатления и артефакты сибирского опыта писателя. Их анализ и

расшифровка позволяют раскрыть культурный контекст Сибири Достоевского первых послекаторжных лет во всей его полноте.

6. Для зрелого творчества Достоевского характерен феномен «притяжения» Сибири: несмотря на географическую удаленность, этот топос присутствует в художественном сознании писателя, сибирский опыт многое определяет на этапе творческого замысла и обдумывания концепции произведения.

Апробация работы. Основные выводы научного исследования были отражены на заседаниях, спецсеминарах и в лекционной практике кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, Алтайского государственного педагогического университета, Кемеровского государственного университета, Кемеровского государственного института культуры, Регионального Центра переподготовки преподавателей высших и средних специальных учебных заведений Алтайского края.

Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на научных конференциях регионального, всероссийского и международного уровней: Международные чтения «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020); Международные Старорусские чтения «Достоевский и современность» (Старая Русса, 2016, 2017, 2018, 2020); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации» (Новокузнецк, 2015, 2019); Международный научный семинар «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия» (Барнаул, 2015); VII Международная научно-практическая конференция «Человек. Коммуникация. Культура. Социокультурные процессы в современном мире: вызовы и перспективы» (Санкт-Петербург, 2015); XI Международной конференции «Диалог культур в полиэтничном мире» (Симферополь, 2015); Региональная научно-практическая конференция «Алтайский текст в русской культуре» (2015, 2017, 2019); научно-практическая конференция «Литературное краеведение: новые подходы к старой теме» в рамках Публичных Шишковских чтений (Барнаул, 2015, 2017); XIII Международный Симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Симферополь, 2015); Славянские языки и культура в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, 2016); XVI Симпозиум Международного общества Достоевского: 150 лет публикации романа «Преступление и наказание» (Испания, Гранада, 2016); Очно-заочный научный семинар «Геопэтика писателей Сибири и Алтая» (Барнаул, 2016, 2017); V Международная научная конференция «Диалог культур: поэтика локального текста» (Горно-Алтайск, 2016); VII Международная заочная научно-практическая конференция «Межкультурная коммуникация и СМИ» (Барнаул, 2016); I Международная научно-практической конференции «Творчество Ф.М. Достоевского и современный культурный процесс» (Новокузнецк, 2017); VI Крымские международные научные чтения «Слово Достоевского в современном полилоге культур: национальное и вселенское» (Симферополь,

2017); Всероссийский научно-практический семинар «Воробьевские чтения “Филология XXI век: проблемы, перспективы, новации”» (Барнаул, 2018, 2019); I Международная научно-практическая конференция «Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде» (Евпатория, 2018); II Международный Форум преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература в современном мире: проблемы и перспективы» (Тегеран, Иран); Первый Международный симпозиум Болгарского общества Достоевского «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского» (Болгария, София, 2018); Международная научная конференция «”Усадебный топос” в русской литературе конца XIX – первой трети XX века: отечественный и мировой контекст» (Москва, 2019); Всероссийская научная конференция с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ» (Барнаул, 2020).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 17-14-22003 «Сибирь Ф.М. Достоевского: семиотика пространства и нарративные стратегии», РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002 «Языковая личность в региональном социокультурном пространстве: режимы производства локального знания о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского», гранта РФФИ «Экспансия» № 19-112-50333 «Сибирский текст Достоевского».

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается тщательной обработкой фактического материала, адекватной предмету, задачам и этапам исследования, а также опорой на достоверные источники, в том числе ранее не известные архивные документы, впервые введенные автором в научный оборот. Достоверность научных результатов обусловлена также широкой методологической базой, применением современных литературоведческих методов исследования: дискурс-анализа, структурно-семиотического, культурно-исторического, биографического, типологического, мифопоэтического, мотивного подходов, которые дополнены лингвистическими (лингвостилистический, этимологический подходы), историческими (историко-системный), краеведческими (литературный, картографический). Комплексный методологический инструментарий позволяет продуктивно интегрировать подходы. Предпринятый анализ подтвердил целесообразность и перспективность рассмотрения сибирского текста Достоевского.

Структура работы продиктована целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка на русском, английском, немецком языках и приложений с фотографиями топографических карт и архивных документов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** рассмотрена история вопроса изучения сибирского текста Достоевского, сформулирована актуальность исследования и научная новизна, определены его цели и задачи, раскрыта методологическая основа диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, приведены сведения об апробации, структуре и объеме работы.

В **ПЕРВОЙ ГЛАВЕ «Семиотика и аксиология сибирского пространства»** обобщены теоретические представления о локусе Сибири, обозначены исследовательские подходы, описан методологический инструментарий.

§ 1.1 «Локальная семиотика и мифологема Сибири» предлагает теоретическое осмысление проблемы сибирского текста Достоевского, рассматриваемого в контексте локальных текстов. Топоним «Сибирь» обладает сильнейшим мифогенным потенциалом, что обусловило сложность, амбивалентность и диалектичность структуры сибирского текста. Художественный образ Сибири крайне неоднороден, поскольку семиотическое конструирование этого территориального мира подчинено особой логике. Будучи одним из национально значимых историко-культурных ландшафтов, Сибирь имела двойственный статус: «...внутрироссийской провинции и одновременно экстерриториального по отношению к метрополии колониального мира»¹⁸, что неизбежно сказалось на семантических параметрах ее культурогенеза. В любом случае, семантическое конструирование Сибири – это ситуация значительной отдаленности от культурного центра, край цивилизации, периферия семиосферы¹⁹. Амбивалентная знаковая природа Сибири формирует дуализм сибирского текста, при котором каждый из авторов может выбрать соответствующий мифологизирующий стереотип: изображение территории в инфернально-негативной или утопически-позитивной перспективе. Обобщая позитивную и негативную модели сибирского текста, К.В. Анисимов выделяет инвариантную схему: ситуация «перехода» в terra incognita подразумевает «богатый выбор перспектив для героя: от гибели до духовного перерождения»²⁰. К XIX в. Сибирь была освоена русской культурой в качестве некоторого концепта, хронотопического образа. «По данным библиографического справочника “Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800-1900 гг.)”, составленного А.А. Богдановой, в течение ста лет в изданиях указанных типов было опубликовано 778 художественных произведений на сибирские темы. По десятилетиям они распределяются так: 1800-1820 гг. – 23 произведения, 20-е гг. – 67 произведений, 30-е – 91, 40-е – 47, 50-е – 42, 60-е – 33, 70-е – 52, 80-

¹⁸ Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX - начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Том. гос. ун-т. – Томск, 2005. С. 44.

¹⁹ См. об этом: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. с. 101, 142, 250-276.

²⁰ Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика «сибирского текста» русской литературы (постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре: сб. статей. – Томск: Изд-во Томск. ун-та. 2007. Вып. 2. С. 76.

90-е гг. – 423 произведения²¹. Однако, несмотря на огромный массив произведений о Сибири до Достоевского (около 250), ее текстовая ипостась была явлена слабо, невыразительно, не равноценно географической протяженности и значимости территории; сибирский локус не был местом действия или темой литературных произведений первого ряда национальной словесности. Соответственно текстовый статус более мелких единиц сибирского текста – кузнецкого, семипалатинского, омского, барнаульского и т.д. – не становился центром интенсивной культурной рефлексии.

§ 1.2 «Топография и семиотика Сибири у Достоевского в целом» посвящен анализу сибирского локуса. Сибирская тематика возникает в творчестве Достоевского как периферийный мотив первого романа «Бедные люди» в письме Макара Девушкина от 26 июня. Это литературный сюжет – фрагмент повести Ратазьева «Ермак и Зюлейка». В параграфе обозначена динамика сибирской темы от первого романа до произведений Великого Пятикнижия, когда сибирский топос становится устойчивой топографической доминантой – место каторги, приводящее к нравственному возрождению. Писатель, с одной стороны, следует литературной традиции осмысления сибирского локуса, находится под влиянием символического поля сибирского текста с его дуальной inferнально-парадизной семиотикой, с другой – начинает процесс модификации топического текста, задавая новые референциальные связи сибирских артефактов в творчестве, формируя авторскую мифологию Сибири.

Во ВТОРОЙ ГЛАВЕ **«Сибирь Достоевского: новые факты биографии писателя и его окружения»** вводятся в научный оборот архивные документы, уточняются сведения и обстоятельства пребывания автора на каторге и в солдатчине.

В **§ 2.1 «Сибирские топосы в письмах Достоевского»** анализируется эпистолярное наследие автора, в котором выделено пять точек сибирского географического пространства: Омск, Семипалатинск, Змиев (Змеиногорск), Барнаул, Кузнецк. Эти города середины XIX в. получают авторскую мифопоэтическую разработку.

В **§ 2.2 «Сибирские маршруты Ф.М. Достоевского»** рассмотрены передвижения писателя по Сибири в 1850-е гг., дано описание состояния сибирских дорог того времени, выявлена их протяженность и указаны промежуточные станции. Это позволяет уточнить продолжительность, даты поездок писателя и другие детали его путешествий. Протяженность маршрутов выявляется с помощью «Почтовых дорожников Российской империи» 1829, 1852 и 1875 гг., топографических карт Томской губернии, справочной литературы, мемуаров современников и эпистолярия автора.

В **§ 2.3 «Новые архивные сведения о переводе Н.Б. Вергунова в Семипалатинск»** реконструируется история переезда соперника Достоевского

²¹ Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: [коллективная монография] / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии, массовой информации и коммуникации. – Новосибирск: НГПУ, 2016. С. 29.

в любовном треугольнике с М.Д. Исаевой Николая Вергунова из Кузнецка в Семипалатинск. Найденные документы позволяют уточнить версию Н.И. Левченко, которая полагала, что бывший кузнецкий учитель А. Калмаков не мог занять место в семипалатинском училище по болезни и просил «поместить его на должность учителя в Кузнецке, а учителя Вергунова отправить в Семипалатинск»²². Согласно архивным документам, обмен вакансиями осуществлялся несколько в иных обстоятельствах. А.А. Калмаков называет совершенно другие причины отказа от предлагаемой ему должности: скученность народа; духовная скудость, нездоровый резко континентальный климат, дороговизна продуктов и трудности переезда и обзаведения хозяйством семьи на новом месте (Гос. архив Томской области. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 1).

В § 2.4 «Ранняя сибирская достоевистика (архивные свидетельства)» вводятся в научный оборот новые документы, связанные с интересом к писателю на Алтае в начале XX века. Параграф освещает деятельность Б.Г. Герасимова (1872–1938), ученого-краеведа, протоиерея и настоятеля Никольского собора, одного из учредителей, а впоследствии председателя Семипалатинского подотдела Русского Географического Общества, инициировавшего сбор материалов о писателе в Семипалатинске (ГААК. Ф. 236. Оп. 1. Ед. х. 3. Д. 17. Л. 105, 105 об.). В 1919 г. редактор журнала «Сибирский рассвет» С.И. Исаков (1884–1921) обращался к Б.Г. Герасимову с просьбой прислать неопубликованные материалы о Достоевском В параграфе рассматриваются возможные причины отказа православного священника (о. Бориса) от этого предложения (ГААК. Ф. 236. Оп. 1. Ед. х. 3. Д. 17. Л. 129).

В § 2.5 «Барнаульский доктор Ф.М. Достоевского и диагностирование болезни» предпринимается попытка выяснения имени врача, верно поставившего писателю диагноз «эпилепсия» около 15 февраля 1857 г. в доме купца Зубова по адресу: г. Барнаул, ул. Большая Олонская, д. 39. Свидетельство об этом факте содержится в эпистолярной писателя (письма брату Михаилу и другу барону А.Е. Врангелю от 9 марта 1857 г.). Недомогание, частичная амнезия, нередко наблюдавшаяся у Достоевского после припадка, и стрессовое состояние, вызванное сильным эмоциональным потрясением, обусловили отсутствие точных фактов в этих письмах: не названо имя П.П. Семенова («один мой добрый знакомый»), дата события и имя доктора, диагностировавшего болезнь, хотя присутствует его характеристика «учёный и дельный» (28-1; 275)²³. Тем интереснее, настолько точной оказалась диагностика провинциального врача – «я задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого» (28-1; 275), заставившая писателя внимательнее относиться к своему здоровью в дальнейшем. Материалом для анализа послужили формулярные списки старших медицинских чиновников рудников и заводов Алтайского горного округа (ГААК. Ф. 2, Оп. 1, Д. 6146) за разные годы. Всего нами проанализированы послужные списки 19 медицинских

²² Левченко Н.И. Круг знакомых Ф.М. Достоевского в Семипалатинский период жизни // Материалы и исследования. Т. 11. 1994. С. 243.

²³ Цитаты из произведений и писем Ф.М. Достоевского приводятся по изданию: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 с указанием тома и страницы в круглых скобках.

чиновников, среди которых 12 врачей, 5 фельдшеров, 2 ветеринара. Такие архивные разыскания имеют сопутствующие результаты: были обнаружены имена служащих Барнаульской казенной аптеки, которых мог знать Достоевский, поскольку аптека расположена неподалеку от дома Зубова, где останавливался писатель и покупал лекарства. Это Яков Иванович Шеперенберг – аптекарь 2 степени, коллежский асессор, управляющий барнаульской казенной аптекой, и Родион Иванович Попов – аптекарь 2 отделения, титулярный советник, провизор барнаульской казенной аптеки. В ходе исследования путем перекрестного и сопоставительного анализа формулярных списков, биографических данных было установлено имя врача, верно диагностировавшего болезнь: Иван Антипович Преображенский – коллежский советник, исправляющий должность Инспектора Алтайских госпиталей. Служил в Колывано-Воскресенских заводах с 1831 г., в 1855 г. получил знак за 20 лет беспорочной службы. С 1850 г. исполнял обязанности директора Барнаульского отделения Общества попечения о тюрьмах, в 1853 г. утвержден в этом звании. В 1855 г. определен к должности Инспектора Алтайских госпиталей, в 1856 г. произведен в коллежские асессоры. За отличную и усердную службу при исправлении должности инспектора Алтайских госпиталей награжден орденом св. Станислава 3 ст. 26 августа 1856 г. (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6852. Л. 40-48). Иван Антипович Преображенский действительно был «ученым и дельным» доктором, пользующимся большим уважением среди горожан.

В § 2.6 «А.Р. Гернгросс и Ф.М. Достоевский» рассматривается история взаимоотношений писателя с горным начальником Алтайских заводов полковником Андреем Родионовичем Гернгроссом – талантливым инженером и ученым; анализируются четыре встречи, уточняются их детали и датировка. Общность профессионального – инженерного – образования и культурного уровня, интерес к науке, литературе и театру, вероятно, быстро сблизили писателя с полковником. Достоевский познакомился с А.Р. Гернгроссом весной 1855 г. во время поездки со своим другом, окружным стряпчим А.Е. Врангелем, на Локтевский медеплавильный завод. Следующая встреча автора с начальником Алтайского горного округа состоялась летом 1856 г. тоже при участии А.Е. Врангеля в Змиеве. Третья и четвертая встречи произошли в Барнауле в конце ноября-начале декабря 1856 г. В параграфе анализируется формулярный список А.Р. Гернгросса, что позволило уточнить девичью фамилию жены горного начальника Алтайских заводов А.Р. Гернгросса (Екатерина Осиповна (Иосифовна) Иенко-Даровская, а не Львова (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5848. Л. 4-5)). Последняя встреча Достоевского с четой Гернгросс 2 декабря 1856 г. анализируется подробно, поскольку этот важный биографический факт имеет историко-литературное значение. У многодетных супругов был ребенок восьми лет – Родион (дата рождения – 2 апреля 1848 г.), названный в честь деда по отцовской линии, он особенно заинтересовал писателя. Исключительный интерес Достоевского к мальчику вызван, во-первых, биографическими обстоятельствами: в это время столько же было

Паше Исаеву, который через 2,5 месяца станет пасынком писателя. Во-вторых, интерес обусловлен пограничным характером возраста – смены ангельской природы на человеческую: до 7 лет ребенок называется младенцем и считается безгрешным, поэтому и не исповедуется перед причастием. Тема чистого, невинного ребенка воплотится в сибирских текстах автора и станет постоянным элементом его сюжетики в зрелом творчестве.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ «Комическая повесть „Дядюшкин сон“: семиотика пространства сибирской провинции» раскрыта семантика заглавия текста, поставлена проблема жанра, проанализирована семиотика пространства, выявлены прототипы персонажей, референциальные знаки Барнаула и других сибирских городов.

В § 3.1 «Проблема жанра первого послекаторжного произведения Достоевского» описаны результаты изучения «Дядюшкина сна» как литературно-эстетического факта середины XIX в. Первое написанное после каторги произведение Достоевского имеет сложную внутреннюю структуру и является глубоко новаторским с точки зрения жанровой природы. Оно сочетает в себе элементы разных литературных родов, наследует различные литературные традиции. Более того, это не просто синтез, а интерференция жанромоделирующих кодов летописи, комической повести, трагедии, комедии, фарса и водевиля. Произведение имеет остросатирический и полемический модус. Присутствие в повести английских и испанских драматических претекстов обнаруживается на уровне мотивов, которые обретают статус «своих» по мере их смыслового преломления в соотношении с узнаваемыми реалиями сибирской жизни. Необычный творческий эксперимент с родовидовыми трансформациями и поиском новых нарративных стратегий свидетельствует о глубоком внимании Достоевского к произведению на уровне формы. Писатель не остался на уровне «внешнего» матримониального сюжета, противопоставив ему неизмеримую глубину подтекста. Именно подтекст обеспечивает локальную привязку текста, сущностное осмысление проблем сибирской провинциальной действительности, философское понимание человеческой природы и взаимоотношений людей. Манифестируемая в 1873 г. простота повести – «вещичка голубинового незлобия и замечательной невинности» (29-1; 303)²⁴ – это бесспорно трикстерская стратегия, за которой прячется нежелание автора афишировать подробности своей биографии и личной жизни современников, поэтому криптопародийная поэтика повести нуждается в тщательной дешифровке.

В § 3.2 «Семиотика города Мордасова» существующие в науке варианты декодировки топонима (связь с литературным претекстом, биографический контекст детских воспоминаний о крестной, интерес Достоевского к народной речевой стихии, для которой характерно поговорочное выражение «съездить по мордасам» или «в город Мордасы») дополняются гипотезой о том, что одним из возможных прототипов Мордасова является Барнаул. Во время обеда у

²⁴ В письме М.П. Федорову, обратившегося к Достоевскому с просьбой переделки текста в комедию для постановки спектакля.

начальника горных заводов А.Р. Гернгросса с писателем произошел казус. Достоевский обратил особое внимание на миловидную внешность сына гостеприимных хозяев, его пухленькие и розовые щечки. Однако комплимент вызвал недовольство и даже возражения у мамы ребенка Екатерины Иосифовны. Как писатель узнал позднее, ребенок в семействе считался «чуть не уродом» (28-1; 252), – делился Достоевский в письме с другом А.Е. Врангелем. Этот факт-впечатление на обеде у горного начальника 2 декабря 1856 г. так глубоко затронул тонкую натуру писателя, что он описал ситуацию в письме другу А.Е. Врангелю (См. § 2.6), а затем обыграл в повести. Ироническое отношение к матери, которой не нравится лицо родного сына, по-видимому, и заставило Достоевского назвать город из повести «Дядюшкин сон» Мордасовым. Прототипом безымянного «хо-ро-шенького мальчика» с «пухленькими и розовыми щечками» является Родион Андреевич Гернгросс (1848-1910), которому действительно было восемь лет во время визита Достоевского в Барнаул (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5848. Л. 5).

Курьезный случай на обеде в семье Гернгросс впечатлил Достоевского и стал настойчивым мотивом и следующего текста. Тема необыкновенной, женственной красоты ребенка мужского пола в романе «Село Степанчиково и его обитатели» реализуется сразу в двух вариантах: дворянский сын и мальчик-слуга (та же смысловая вариация, что и в письмах и в повести «Дядюшкин сон»). Тема начата с появления в чайной «*прехорошенького мальчика*» (3; 44) Илюши, продолжена в памфлетной форме в образе слуги Фалалея, мальчика лет шестнадцати, *прехорошенького собой*, взятого во двор за красоту и одетого в дорогой костюм казачка (3; 59). В третий раз та же тема реализуется в откровенно пародийном ключе в обличающем монологе «плюгавенького» Фомы Фомича: «*Можете полюбоваться на ваше произведение... в нравственном смысле. Поди сюда, идиот! поди сюда, голландская ты рожка! <...> Правда должна быть правдой. А чем ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью*» (3; 66).

Здесь Достоевский касался очень деликатной темы – вопроса о супружеской неверности. Писателю были хорошо известны интимные подробности драматической любви двадцатитрехлетнего А.Е. Врангеля к жене начальника Алтайских заводов Екатерине Иосифовне Гернгросс. В переписке Достоевского с бароном она фигурирует под литерой «Х». Можно предположить, насколько писателя, который только что женился и остановился с семьей в доме П.П. Семенова, огорчило это открытие – коварства и неверности Е.И. Гернгросс и мужу, и любовнику. Предполагаем, что писатель испытывал негодование, разгадав циничную игру и манеру быстрой смены и «очернения» любовников гранд-дамы барнаульского высшего света. В письме А.Е. Врангелю Достоевский верно обозначил главные качества ее характера: умна, расчетлива, неблагородна, неспособна к «*правильной* и полной любви» (28-1; 271). В повести «Дядюшкин сон» автор создал целую галерею образов дам, для которых верность не является нравственной нормой: Наталья Дмитриевна, Анна Николаевна, Марья Александровна Москалева. Глубину

сарказма писателя над мордасовскими дамами мог оценить лишь круг его ближайших друзей.

В § 3.3 «Загадки топографии: Барнаул в творческой рефлексии писателя» анализируются кодирующие элементы повести, ассоциативно связанные с локальным сибирским контекстом. Используя суггестивно сильные означающие криптотописа, Достоевский актуализирует такие известные факты истории города, как возведение города на пустом месте в устье реки Барнаулки, суровый климат, холод, черная легенда о проклятии города его основателем Акинфием Демидовым, серебро и золото, добываемые тяжелым трудом, город, покрытый черной пылью от горнодобывающей промышленности (город-ад) и т.д. Так, Москалева благодарит Мозглякова, что он привез князя К. именно к ней, ведь другие «бросились бы на него, как на рудник, как на россыпь...» (2; 307). В тексте повести также нашла отражение эсхатологическая легенда о Барнауле, который якобы проклял основатель города Акинфий Демидов после передачи заводов Кабинету. Сибирский топос получает усиленную негативную оценку по принципу восходящей градации: «отвратительный городишка»<sic!>, «проклятый город», полный ненависти, тщеславия, «гадких интриг» (2; 385), зависти, сплетен, «смрад», связанный с лиминальным состоянием болезни и смерти. Барнаульские знаки «просвечивают» также в отсылках к потерянной в результате ревизской проверки бывшей службы мужа Москалевой, «других доходах», «хлопотах», театральных мотивах и др. Именно через детали Достоевский в комическом тексте раскрывает глубину и неоднозначность своей концепции, прячась от цензуры. В связи с этим предлагаем ввести понятие криптотописа²⁵ как такого топоса литературного произведения, который прямо не называется автором, но подразумевается с помощью системы аллюзий, обеспечивающих локальную привязку текста.

В параграфе доказывается, что этический фактор, связанный с невозможностью компрометации семьи Гернгросс, затемненность, неоднозначность астионима Барнаул, потребность мистификации заставили автора назвать город Мордасовым, а затем щедро «рассыпать» по тексту референциальные знаки Барнаула, приглашая читателя к вдумчивому чтению. Достоевский безусловно использует нарративную стратегию удержания читательского внимания. Кодирующие элементы художественного текста направлены на увлечение чтением, они провоцируют читателя, заставляя сквозь юмористический слой увидеть глубину подразумеваемого смысла. Барнаульский подтекст произведения проявляется не только на уровне художественных деталей, но и на персонажном уровне: многие образы Достоевского имеют барнаульские, алтайские и сибирские прототипы.

В § 3.4 «Прототип Каллиста Станиславовича» обосновывается гипотеза о том, что образ мордасовского доктора тонко обыгрывает важные детали биографии барнаульского врача И.А. Преображенского с необходимым жанровым смещением от плюса к минусу. При внимательном чтении в

²⁵ Термин предложен д. филол. н., ведущим научным сотрудником Отдела русской литературы ИМЛИ РАН О.А. Богдановой в частной беседе по другому поводу.

сатирическом, памфлетном образе доктора очевидны черты прототипа, развернувшиеся в комическом варианте. Для Достоевского был значим принцип «детальности», при котором штрихи, детали автобиографического плана важнее, чем крупные события в их макроописании. Любой художественный текст исключает прямую фактографию, трансформируя ее, а в комическом тексте биографические детали должны быть вывернуты наизнанку, отражены по принципу кривого зеркала и завуалированы, представляя собой криптограмму для читателя и исследователя.

Особое значение имеет ситуация диагностирования болезни – верная в случае с Достоевским и неверная в случае с его героями Васей и князем К. Для самого писателя эта ситуация имела экзистенциальное значение: «если б я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился» (28-1; 275), – признавался Ф.М. Достоевский брату Михаилу. Для его героев ситуация сюжетообразующая, но зеркальная: они больны, следовательно, не могут жениться. В повести не один пациент, а целых два: молодой учитель Вася и старый князь К., которые являются двойниками друг друга как несостоявшиеся женихи Зины. Мордасовский доктор не столько их лечит, сколько констатирует факт болезни, и его неверная диагностика в повести подвергается осмеянию. Он не может понять этиологию болезни, у Васи видит не чахотку, а только сильное грудное расстройство.

Две смертельных болезни Достоевского – эмфизема легких и эпилепсия – словно поделены между этими персонажами, а комическое описание является почти парафразой из писем автора: «если я не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы» (28-1; 270, Врангелю); «задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого» (28-1; 275, брату Михаилу). В случае с Васей – это болезнь легких, неверно диагностированная Каллистом Станиславовичем. В случае с князем болезни еще более узнаваемые: геморрой и «любопытная болезнь» (2; 315): «когда у меня бывают припадки, то вообще у-ди-вительные при этом симптомы (я вам подробнейшим образом их опишу)» (2; 314), – обещается рассказать князь, но так и не выполняет своего обещания. Здесь Достоевский почти проговаривается. В этиологии болезни консилиума мордасовских врачей видится отражение истории загадочной болезни Достоевского, диагностика и патогенез которой является предметом дискуссий до сих пор. Возможно, что описание смертей двух пациентов, в которых очевидны авторские переживания по поводу своего здоровья, стали причиной невозможности сохранения первоначально предполагавшегося комедийного жанра повести (письмо А.Н. Майкову от 18 января 1856 г.: «я шутя начал комедию» (28-1; 209). И автор отказался от первоначального намерения написать пьесу для барнаульского театра.

О значимости фигуры доктора в городе и особом уважении к нему говорит и отсутствие фамилии, его всегда называют только по имени-отчеству. Причем необычное имя в тексте повести «Дядюшкин сон» повторяется пять раз, чтобы

читатель непременно запомнил имя мордасовского доктора – Каллист Станиславович. Греческое имя **Каллист** означает «прекраснейший», что является скрытой отсылкой к авторской оценке врача-диагноста как «ученого и дельного». С другой стороны, имя Каллист содержит общие семы (изменение качества, перехода в новое состояние) с фамилией реального врача – Преображенский. Выбирая имя персонажа, Достоевский тонко иронизирует над уровнем профессионализма мордасовского доктора. Отчество персонажа восходит к славянскому имени Станислав, что означает «стань славным». С одной стороны, Достоевский, в соответствии с классицистической традицией, наделяет комедийного персонажа говорящим именем. Но, с другой стороны, в выборе патронима угадывается отсылка к ордену Святого Станислава 3 степени, которым был награжден Иван Антипович Преображенский за отличную и усердную службу 26 августа 1856 г., т.е. за полгода до приезда Достоевского в Барнауле. Использование разговорного варианта отчества героя Станиславич (вместо полного Станиславович) маркирует ситуацию непринужденной беседы, якобы дружески-неофициального общения в городе Мордасове. Кроме того, стяженная форма патронима нами расценивается как стилистически сниженный вариант и жанровая трансформация имени героя.

Реальное биографическое лицо – Иван Антипович Преображенский – стало только толчком творческой рефлексии, развивавшейся по законам создания комического произведения, что привело к созданию памфлетного образа глупого и бездарного врача-шарлатана в мольеровском духе. В процессе творческой трансформации от реального прототипа до сатирического персонажа, Достоевский усложняет и обогащает его содержание, доводя до пародийного предела с целью завуалировать биографический контекст.

В § 3.5 «Прототипы немецкого ученого в повести “Дядюшкин сон”» предпринимается попытка выявления прототипа образа энтомолога. Ученые и инженеры из Германии сыграли видную роль в освоении края, стали основателями горного дела на Алтае, определили своеобразие научной и культурной жизни региона, поэтому присутствие немцев является важным маркером сибирского текста. Алтай для Достоевского стал местом близкого знакомства с русской фундаментальной наукой: с П.П. Семеновым, ученым-энциклопедистом, проявившим себя в разных областях естественнонаучного поля: геологии, минералогии, биологии, зоологии и др.); начальником Алтайских горных заводов А.Р. Гернгроссом, успешно внедрявшим новые методы плавки руд, и др. В сибирских произведениях отчетливо проявляется увлечение писателя естественными науками – биологией, минералогией, медициной, астрономией. В повести трагически обыгрывается увлечение энтомологией: «один немецкий ученый, нарочно приезжавший из Карльсруэ исследовать *особенный род червячка с рожками*, который водится в нашей губернии, и написавший об этом червячке четыре тома in quarto, так был обворочен приемом и любезностью Марьи Александровны, что до сих пор ведет с ней почтительную и нравственную переписку из самого Карльсруэ» (2;

297). Достоевский однозначно задает некий шифр-криптоним²⁶, который требует тщательного анализа для установки возможных источников творческого процесса автора. По нашему мнению, прототипом безымянного образа энтомолога явился Ф.В. Геблер, родоначальник систематической энтомологии на Алтае, автор научных трудов о насекомых «*Insecta Sibiriae rariora, descripsit*» (= Редкие насекомые Сибири, описание) и «Замечания о насекомых Сибири, в особенности Алтая». Писатель избрал объектом иронии исследователя, который изучал насекомое *Leptura altaica* (очень редкое по численности обитающее в окрестностях Барнаула). Образ энтомолога органично вписан в пародийный контекст повести множеством отсылок к фактам, городским преданиям Барнаула.

Кроме того, в образе энтомолога преломились некоторые черты А. фон Гумбольдта, посетившего Барнаул в 1824 г. (автограф ученого в книге «Собственноручные подписи особ, почтивших присутствием своим Барнаульский музей» хранится в Алтайском краеведческом музее); и друга писателя П.П. Семенова, который во время экспедиции на Тянь-Шань в 1856–1857 гг. зимовал в столице горного дела на Алтае.

В § 3.6 «Топографические детали Алтая в повести: холера и скотский падеж» продолжен анализ деятельности Ф.В. Геблера как доктора, Достоевский подразумевает такие факты истории Алтая как успешная борьба врачей с холерной эпидемией 1831 г. и падеж скота 1856 г.

Имя Ф.В. Геблера связано с ликвидацией страшной эпидемии холеры во всероссийском масштабе. Томскую губернию эпидемия холеры поразила в 1831 г. Возглавлявший Инспекцию Медицинской и фармацевтической частей Алтайского горного правления доктор, статский советник и кавалер Ф.В. Геблер все силы направил на ликвидацию болезни и справился с ней успешно. В ГААК хранится переписка Ф.В. Геблера с горным начальником и заводскими медицинскими чиновниками о материальном обеспечении лазаретов и борьбе с холерой (ГААК. Оп. 2. Ед. хр. 6795, Ф. 2. Оп. 2. Д. 5795).

14 апреля 1833 г. за «усердие к общей пользе» (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5377. б/л, Ф. 2. Оп. 1. Д. 5367. Л. 47), за метод лечения, успешно применявшийся на Алтае, описание которого отправили в Московский совет, Геблер был награжден орденом Святой Анны. Более того, можно предположить, что алтайский опыт лечения холеры активно и успешно практиковался в столице. Министерство внутренних дел рассылало составленное Медицинским советом «Краткое наставление к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению». Сохранились документы, позволяющие сделать выводы, что подчиненный Геблеру лекарь В.В. Главинский был командирован в Москву для помощи в ликвидации болезни. По его возвращении было решено, как сообщает документ от 29 июня 1832 г. № 7077, выдать лекарю Главинскому, занимавшему в Москве прекращением болезни холеры, в награду 450 рублей (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д.

²⁶ Мы предлагаем ввести термин криптоним как сознательно зашифрованное автором в художественном тексте имя города, места, вещи или человека.

6795. Л. 88). Благодаря высокому профессионализму врачей, тщательно спланированным мероприятиям и описанию способа лечения болезни эпидемия практически не затронула Алтай.

Согласно делу ГААК Ф. 2. Оп. 2. Д. 6931. Л. 9-15, с 20 по 24 марта 1856 г., т.е. за два месяца до приезда писателя в Барнаул, действительно, был скотский падеж, или эпизоотия – повально заразительная болезнь скота. Об этом свидетельствует переписка за апрель-май 1856 г. фельдшера урядника Петра Максимовича Климова с исправляющим должность инспектора Алтайских госпиталей господином старшим врачом, надворным советником и кавалером Иваном Антиповичем Преображенским, в которой подробно описаны обстоятельства гибели с перечислением кличек и описанием 10 казенных и частных лошадей Егорьевского золотого промысла с прилегающими к нему Елизаветинским и Салаирским приисками (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6931. Л. 9-15). В художественной структуре произведения упоминание холеры и гибели скота не только создает исторический, национальный и провинциальный колорит, являясь иллюстрацией активной профессиональной деятельности медицинской части Колывано-Воскресенских заводов, но и емко характеризует двух героев-потенциальных женихов Зины: князя К. и Мозглякова. Значение образов раскрывается через их отношение к угрозе эпидемии необъяснимой этиологии. Князь К. боится предпринимать дружеские поездки, опасаясь холеры. Главным мотивом его поведения является страх, что обнажает «масштаб» его характера. В этом заключена авторская ирония по поводу трусости и плохой памяти героя. Престарелый князь прекрасно помнит о факте холерной эпидемии, но забыл о ее двадцатипятилетней давности и ареале распространения. Напротив, молодой петербуржец Мозгляков не знает о холере, свирепствовавшей четверть века назад, в силу возраста и недостатка образования. Так противник и одновременно двойник князя франт Мозгляков демонстрирует невежество. Но герой прекрасно осведомлен о текущих и недавно произошедших событиях, ставших предметом широкого обсуждения. Сарказм писателя здесь достигает апогея. С помощью одной детали художественного мира Достоевский маркирует уровень ценностей столичного героя, оказавшегося в провинциальном Мордасове. Так отсутствие холеры и наличие падежа скота, ставшие предметом обсуждения в гостиной Марии Александровны Москалевой в повести «Дядюшкин сон», отсылают к реальным происшествиям жизни Алтая, обогащая представления о творческой лаборатории сибирской повести. Эти факты свидетельствуют о гораздо более глубокой осведомленности Достоевского о состоянии дел губернии в целом и о барнаульских новостях в частности, и активном использовании автором алтайского материала.

§ 3.7 «Прототип иеромонаха Мисаила» посвящен комментарию желанной, но неосуществленной финальной точке путешествия князя К. – «в Светозерскую пустынь, к иеромонаху Мисаилу, которого чтит и уважает...» (2; 306). Этот криптоним отсылает к деятельности основателя Алтайской

миссии архимандрита Макария – в миру Михаила Яковлевича Глухарева (1792-1847).

Духовный поиск архимандрита Макария, подлинная подвижническая жизнь, широта мышления и пренебрежение любыми условностями, если они противоречат заветам Христа, были глубоко симпатичны Достоевскому. Писателю была близка идея народного просвещения и духовного исцеления, последовательно реализуемая М.Я. Глухаревым. О подвижнике автор мог услышать от Н.Д. Фонвизиной и П.Н. Свистунова, которые посещали петрашевцев в Тобольском тюремном замке. Оба входили в круг общения начальника Алтайской духовной миссии, помогая ему в переводах иностранных экзегетических произведений на русский язык и в распространении рукописных копий среди паствы.

М.М. Громько утверждает, что в 1856 г. была опубликована книжка, в которой подробно рассказывалось о деятельности Глухарева в Сибири. Автором ее был протоиерей Стефан Ландышев, ставший преемником отца Макария и возглавлявший Алтайскую миссию с 1844 по 1866 гг. В августе 1857 г. он «посетил Семипалатинск и там подарил свою книжку краеведу Н.А. Абрамову (последний сообщал об этом в письме к А.П. Сулоцкому)»²⁷, с которым тесно общался Достоевский.

Кроме того, легенды о старце активно распространялись в Сибири. Таким образом история алтайского миссионера органично входила в круг бесед писателя с Н.Д. Фонвизиной, П.Н. Свистуновым, Н.А. Абрамовым, В.П. Демчинским и др., существовала в виде легенд, была описана в книге преемника Макария и использовалась как материал для творчества. Поэтому в повести «Дядюшкин сон» автор с легкостью, иронично оперировал известными ему фактами, создавая комические образы.

Такие мельчайшие детали художественного мира писателя апеллируют к подробностям сибирской жизни, позволяя проницательному читателю осознать, насколько Достоевский глубок, даже когда шутит. Автор зашифровывает отца Макария под мирским именем Михаил, комически трансформируя фонетический рисунок лексемы – «Мисаил». Писатель едко иронизирует по поводу веры князя К., который по причине сломанной коляски легко отказывается от цели путешествия – Светозерской пустыни и умирает в Мордасове, за криптонимом которого угадывается Барнаул. Задолго до обдумывания замысла романа «Братья Карамазовы» писатель размышляет о М.Я. Глухареве не только как катализаторе творческого импульса и одном из прототипов, но и примере «романтического» миссионера, народного духовного лидера и реформатора церкви.

§ 3.8 «Знаки других сибирских городов» содержит анализ кузнецких, омских и семипалатинских аллюзий в тексте повести. Так, под перифразом «скверная речонка с неприличным названием» (2; 324) писатель едко обыграл название небольшой речки, протекающей возле Кузнецка, – Кóндома.

²⁷ Громько М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850-1854. – Новосибирск: Наука, 1985. С. 88.

Номинация в переводе с шорского языка означает «извилистая река». Обращает на себя внимание созвучность фонетической оболочки гидронима с названием барьерного контрацептива (фр. *condom*), получившего название по имени изобретателя – доктора Чарльза Кондома. В повести встречается и такая деталь: дом Марьи Александровны расположен на Большой улице. В этой номинации годонима мы усматриваем кузнецкий знак: аналогично называлась улица Кузнецка, на которой останавливался Достоевский в период заключения брака с М.Д. Исаевой в феврале 1857 г.

Семипалатинский знак обнаруживается в образе упоминаемого мельком авторитетного чиновника высокого ранга, предположительно губернатора Мордасова, Петра Михайловича, имя и отчество которого отсылают к фигуре хорошо знакомого Врангелю и Достоевскому полковника, затем генерал-майора Петра Михайловича Спиридонова (1804 -?). Он исполнял обязанности военного губернатора Семипалатинской области в 1854–1857 гг. (1854 г. в чине полковника стал военным губернатором Семипалатинской обл., в 1857 г. подал прошение об отставке по болезни)²⁸.

Есть в тексте повести и омская аллюзия. Б.Н. Тихомиров полагает, что прототипом мужа Зины, о котором мы знаем, что он – генерал-губернатор «главного города “отдаленнейшего края”», «высокий, худощавый и строгий генерал, старый воин, израненный в сражениях, с двумя звездами и с белым крестом на шее» (2; 397) является генерал от инфантерии Густав Христианович Гасфорт (1794-1874), возглавлявший Западно-Сибирское генерал-губернаторство...»²⁹. Обстоятельства личной жизни генерала позволяют сделать выводы о том, что в образе Зиночки могли быть воплощены некоторые черты Любочки – так в Омске называют вторую жену Г.Х. Гасфорта Любовь Федоровну (урожденную Львову) (1829-1852). Известно, что в 1851 г. Гасфорт появился в Омске вместе с красавицей женой, которая спустя полтора года скоропостижно скончалась от чахотки (в июне 1852 г.). Несмотря на непродолжительный период жизни в Омске она стала народной любимицей. В 1851 г. муж посадил для нее рощу под валами крепости, где она любила гулять. Уменьшительно-ласкательная форма имени красавицы-жены старого генерала «Любочка», возможно, запомнилась писателю и впоследствии отразилась в выборе имени для героини повести «Дядюшкин сон» – Зиночка. В 1854 г. Гасфорт женится в третий раз на дальней родственнице своей жены – Надежде Николаевне Львовой (1830-1876). О третьей жене Гасфорта, Надежде, Достоевский мог слышать, в том числе и от Врангеля, который вспоминал о вечере в Омске, цитируя свое письмо отцу от 8-го декабря 1854 г. Допускаем, что образ Зиночки восходит сразу к обеим – второй и третьей – женам Гасфорта и является собирательным. Обратим внимание на созвучие фамилий героини повести и ее прототипов: Москалева – Львова.

²⁸ Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. – СПб.: Алетейя; 2001. Т. 2. С. 242.

²⁹ Тихомиров Б.Н. Комментарии // Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга первая: Слабое сердце; Чужая жена и муж под кроватью; Маленький герой; Дядюшкин сон / Сост., статья и коммент. Б.Н. Тихомирова. Ил. А.А. Джигирей. – СПб.: Вита Нова, 2017. С. 392.

В локальной семиотике повести «Дядюшкин сон» присутствует незначительное количество общепроvincialных аллюзий (липкий снег в лицо, обилие лающих собак, узкие тротуары и т.д.), но гораздо чаще топографические знаки маркированы, отсылают к конкретным точкам географического пространства и деталям сибирского опыта Достоевского: Кузнецк, Семипалатинск, Омск и, в большей степени, Барнаул.

В § 3.9 «Автопародия как нарративная стратегия произведения» воссоздаются параллели личного биографического опыта Достоевского с чертами его героев. Так, вынужденное затворничество князя К. ассоциативно связывается со ссылкой писателя-петрашевца, который порой чувствовал себя «мертвецом»³⁰ и так же, как и князь, ощутил возрождение под воздействием любви: «Я только теперь начинаю жить... Я хочу, чтоб сейчас же, сию минуту была свадьба» (2; 346). Более того, князь обещает описать *припадки «с удивительными симптомами» и геморрой*, в которых угадываются болезни автора. Очевидна параллель со странной нервной болезнью Достоевского, начавшейся еще в Петербурге, но более точно диагностированной именно в Барнауле. Эпилептический припадок у писателя случился после венчания, ориентировочно 15 февраля 1857 г., и писателю пришлось «лишних 4 дня» (28-1, 270) прожить в Барнауле в тяжелом физическом и нравственном состоянии. Князь К. также проводит в Мордасове четыре дня, которые заканчиваются его смертью в гостинице от «нравственного потрясения» (2; 395).

Сатирически обыграны и преломлены также некоторые другие биографические подробности отношений Достоевского с М.Д. Исаевой. Старый князь рассказывает следующую историю: «я чуть-чуть не женился на одной виконтессе, француженке. Я тогда был чрезвычайно влюблен и хотел посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочем, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовал, один немецкий барон; он еще потом некоторое время в сумасшедшем доме сидел» (2; 315). В этом фрагменте угадываются происхождение Марьи Дмитриевны Констант, по деду француженки, и страдания писателя, у которого в разлуке появился счастливый соперник. Любовь Зины к бедному «учителишке», оказавшемуся «слабым сердцем», завершается его смертью от чахотки. Возможно, это тоже литературная «месть» Достоевскому Н. Вергунову, который был учителем в приходском училище.

В § 3.10 «Сибирский “след” повести «Крокодил»: пролегомены сибирского опыта в зрелом творчестве» доказывается, что комическая повесть «Крокодил» – такой же жанровый эксперимент, как и сибирские тексты: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Поэтому интерпретация повести в контексте более близкого метатекста позволяет раскрыть криптопародийную стратегию писателя, общую для комических текстов. Сопоставительный анализ обнаруживает, что автопародии является частью иронического осмысления мира, продолжением на новом этапе

³⁰ Письмо брату Андрею Михайловичу от 6 ноября 1854 г.: «А те четыре года я считаю за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу» (28-1; 181), «Я был как ломоть отрезанный» (28-1; 181).

рефлексии писателя о человеке, Вселенной, сущности /видимости, науке и ее профанации, границах гениальности и самозванства, верности /предательстве и т.д. Гротескный образ крокодила, героя-философа Ивана Матвеевича, легкомысленной жены-конфетки, странного друга, который «на 9/10 был с ним дружен из злости» (5; 199) и эстетика комического произведения в целом позволяют понять, насколько многослойна пародия Достоевского.

Бесспорно, что повесть «Крокодил» – произведение полигенетическое, восходящее ко многим литературным, философским, биографическим источникам, а заглавная метафора является образом-символом, многофункциональным, с разнообразными смыслами. О.Г. Дилакторская обозначила целый спектр возможных толкований зоологической метафоры. Она отметила, что крокодил – это животное, обитающее в Египте; реторта для эксперимента; иностранец в России; частная собственность, олицетворяющая экономический принцип в буржуазном мире; западная идея – олицетворение европейской цивилизации; все это раскрывает свои смыслы в разных ракурсах: пространственном, историческом, фольклорном, мифологическом, идеологическом, социальном и политическом³¹. Добавим, что в произведении, помимо ярко представленного петербургского текста (Пассаж), возможно, в качестве одного из источников есть и сибирские естественнонаучные мотивы, в которых отразились впечатления от посещения Алтайского краеведческого музея, рассказов П.П. Семенова. Объективный образный ряд, актуализированный сюжетной метафорой крокодила в качестве фона или материала для ее создания, предполагает и барнаульский мнемонический след. В аллегорическом плане нахождение в недрах крокодила символизирует сибирскую каторгу и намекает на ссылку Н.Г. Чернышевского, комически преломляя биографические события автора.

В ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ «**Genius loci в поэтике романа “Село Степанчиково и его обитатели”**» рассмотрен сибирский культурный контекст первого послекаторжного романа Достоевского, проанализированы его жанровое своеобразие, семантика заглавия текста в литературном (усадебный роман) и биографическом (Семипалатинск) контексте, выявлены знаки сибирской топографии в «Селе Степанчиково» и «Записках из Мертвого дома».

В § 4.1 «**“Село Степанчиково и его обитатели”**: первый сибирский роман» аргументируется мысль о том, что этот художественный текст представляет жанровый эксперимент Достоевского. Генетически произведение, совместно с повестью «Дядюшкин сон», восходит к единому замыслу комедии. Автор действительно учитывает отдельные традиции античной, ренессансной, классицистической комедии. В общефабульном плане сюжеты женитьбы поневоле и свадьбы убегом входят в традиционный комедийный репертуар. По типу фабулы «Село Степанчиково» сближается с комедией положений, комедией интриги и комедией характеров. Есть в произведении и традиция использования говорящих имен персонажей: Фома Опискин, генерал Крахоткин, женихи Мизинчиков и Обноскин. В то же время Достоевский не

³¹ Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского.– СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 299, 304-305.

ограничивается жанрообразующими элементами комедии, а использует весь арсенал драмы. Из жанра трагедии писатель заимствовал неожиданную развязку по типу *deus ex machina* и такой компонент фабулы, как перипетия. Но если в трагедии перипетия использовалась однократно, то у Достоевского она становится постоянным элементом сюжетики. Более того, драматизация становится важной нарративной стратегией, «осью» внутренней организации текста. Тем не менее, писатель отдает предпочтение роману как жанру, наиболее соответствующему особенностям его дарования и имеющему возможности полного, внутренне противоречивого изображения «течения» жизни. В эпистолярной Достоевский именуется жанр произведения как «роман» (28-1; 214, 220, 246, 280, 290), авторское определение жанра сохраняется и в первой публикации в журнале «Отечественные записки» (1859 №11, 12). В письме брату Михаилу от 9 мая 1859 г. автор косвенно сформулировал признаки жанра романа с точки зрения содержания: 1) структурирование художественной организации произведения основано на конфликте ярких характеров; 2) национальная проблематика; 3) психологическая глубина и тщательная проработка описываемых характеров; 4) новизна содержания, т.е. попытка уловить по терминологии живую действительность; 5) наличие «страстного элемента», т.е. драматической истории любви (28-1; 326). Достоевского привлекает роман как синтетическая жанровая форма, позволяющая глубоко осмыслить волнующие вопросы: подавление личности, тирания, границы гостеприимства и христианского смирения, право на взаимную любовь и др. Автор использует различные жанровые модификации романа – рыцарского, любовного, усадебного, нравоописательного, семейного, психологического, социального, философского – не только органично синтезируя их, но и подвергая комическому обыгрыванию. Произведение строится на интерференции различных нарративных стратегий и жанромоделирующих кодов. За игровой стороной пародирования различных текстов и жанров на подтекстовом уровне «просвечивает» автопсихологический путь духовного преображения личности в кризисный период. В параграфе анализируются также организация времени и пространства, структурно-композиционные, нарративные особенности текста, которые также соответствуют романному жанру.

Изменив свой первоначальный замысел создания комедии, Достоевский не только инкорпорирует в свое произведение различные элементы драматических жанров, но и иронизирует над ними, «Село Степанчиково...» представляет собой оригинальную жанровую модификацию, созданную на основе творческой рецепции комедийной и романной традиций. Природному дарованию автора более соответствовал жанр романа как крупной формы эпоса с иным масштабом охвата действительности, глубиной поставленных вопросов, особым предметом изображения, хронотопом, стилем, эстетическим отношением к действительности. Все эти жанровые признаки находят воплощение в «Селе Степанчикове...». Кроме того, Достоевский, сохраняя «память жанра» (М.М. Бахтин), сопрягает разные модификации жанра романа.

Для авторской жанровой системы характерно «...активное взаимодействие жанров и возникающая на этой основе целостность художественного творчества»³². Жанровая «отзывчивость» уже в этом произведении формирует такую тенденцию, как “драматизация” романа и “ансамблевый принцип”, которые будут характеризовать романы Достоевского зрелого периода. Роман действительно является экспериментальным, в нем апробированы многие приемы поэтики зрелого творчества писателя: синтетическая жанровая природа, конклавы, перипетии, амбивалентная мотивировка поступков, диалектика высокого и низкого сознания и т.д.

В § 4.2 «Жанромоделирующий код усадебного романа» выявлено, что Достоевский использует жанровую форму и нарративную структуру усадебного романа, но наполняет ее совершенно иным содержанием, меняя ностальгический и трагический модус на иронический и саркастический. Поэтика усадебной повести или романа предполагала семейную гармонию на лоне природы, сентиментальность отношений, возвышенные чувства, культ просвещения, поклонение изящному, эстетическую просветленность бытия. Топосу усадебного рая соответствует характер ее владельца – полковника Егора Ильича Ростанева, «прекрасного от природы», «умного сердцем» героя-альтруиста, который готов пожертвовать всем, растворившись в братской и отеческой любви. Достоевский разрушает жанр усадебного романа изнутри, избирая комического героя и абсурдную с точки зрения здравого смысла ситуацию узурпации власти и оккупации дома. Полковник в отставке, по внешности богатырь, в расцвете сил добровольно уступает свои права «плюгавенькому <...> человечку», который манипулирует всеми домочадцами. Место барина занимает слуга и устраивает в раю деспотию. Героями усадебного романа в ее традиционном варианте являются полковник Ростанев, его возлюбленная Настенька, племянник Сережа, дети Илюша и Саша. За счет введения новых, не характерных для усадебной прозы героев, таких как Опискин, Мизинчиков, Обноскин, Крахоткины, Татьяна Ивановна, и связанных с ними сплетен, интриг, скандалов, похищений, формируются черты новой романной манеры.

Традиционная для усадебного текста фигура героя-любownika отдана образованному, умному, доброму Сереже, который не справляется с предназначенной ролью. С целью создания комического эффекта кроме Сережи на роль героя-любownika претендуют также персонажи с говорящими комедийными фамилиями – Обноскин и Мизинчиков, оба устраивающие ночное свидание в саду в беседке с Татьяной Ивановной. Поцелуй как естественное следствие объяснения тоже являлся обязательным элементом усадебной повести. Но Достоевским этот жест комически развенчивается: Сергей видит другую пару, наличие подглядывающих и стерегущих нивелируют романтику ночного тайного свидания. Так писатель расширяет возможности усадебной повести, меняя ее жанровую природу путем

³² Захаров В.Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика). – Ленинград. Изд-во Ленинградского университета, 1985. С. 206

введения комических подмен: «...“объяснение в любви” оказывается объяснением в любви другому; “катастрофа” – не тем поцелуем, который видел повествователь, а другим; “погоня” устроена не за Мизинчиковым, а за Обноскиным, и т.д.»³³.

Достоевский расширяет возможности усадебного романа, вводя библейский мифологический пласт, придающий эпический размах и психологическую глубину. Однако саркастическое снижение высокой библейской образности и несоответствие между видимостью и сущностью создают комический эффект. Хрестоматийный сюжет книги Бытия о змие, обольстившем Еву лестью с целью грехопадения людей, пародийно вывернут наизнанку. В романе авторская оценка Фомы с большой долей самоиронии выражена в следующих словах: *«но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо»* (3; 12). Несостоявшийся литератор действительно лишает всех райской обители, превращая дом в ад.

Если в устах Ростанева библейская метафорика звучит органично, вызывая у читателя легкую улыбку и насмешку над наивностью полковника, то речь Фомы звучит саркастически за счет снижения библейских фразеологизмов и профанации христианских ценностей. Добродетели в риторике Фомы легко сочетаются с романтическими мотивами коварного обмана, разбитого сердца, несправедливости, попорченного добра, утраченной веры в человека. Речь Опискина выполняет функцию развенчания романтических штампов и дискредитирует образ пророка, речь которого насквозь цитатна. Достоевский акцентирует иную мифологическую ипостась Фомы Фомича как проникшего в Эдем змия: не искуситель, а лжец и предатель. Так образ врага человеческого обретает семантическую емкость и глубину. Автор сознательно отказывается от традиционной для усадебного текста дуэльной ситуации, предполагавшей дворянское происхождение и равенство участников. Изгнание Фомы из усадебного рая описывается как событие Апокалипсиса – с громом, дождем и молнией, скачущим на коне всадником, но завершается не по-библейски: возвращением поверженного врага на простой крестьянской телеге, что создает комический эффект.

Поэтика усадебного романа предполагала неизменный трагический финал: главные герои не достигли счастья, хотя оно было возможно. Обязательные в усадебном тексте трагический финал и воспоминания об ушедшей молодости и несостоявшемся счастье у Достоевского заменены благополучным финалом обретения «возвращенного рая» и созданием семейной идиллии. Так жанромоделирующий код усадебного романа подвергается автором ироническому снижению на всех уровнях поэтики текста: словесном, персонажном, композиционном, дискурсивном.

В § 4.3 «Семантика заглавия романа Достоевского» внимание сосредоточено на том, что это единственное произведение автора, в заглавии которого использован топоним. Номинация литературного произведения – всегда процесс сознательного выбора автора из нескольких вариантов.

³³ Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. – Москва: Изд-во «Индрик», 2013. С. 186.

Вопрос о значении литературного топонима необходимо рассматривать с учетом его восприятия на определенном фоне, которым является, прежде всего, реальная ойконимия. Ойконимы – названия населенных пунктов как разновидность топонимов. Если обратиться к типичным названиям русской усадебной культуры середины XIX в., то, по нашему мнению, словообразовательные модели в названиях усадеб и дач, могут быть подразделены на следующие виды:

1) **с семами рая, изобилия, веселья, благоденствия:** *Райки, Раек, Беспечное, Беззаботы, Отрада, Отрадное, Кораллово, Нескучное, Даровое, Приятная Долина, Ясная Поляна, Раздолье, Благодатная;*

2) **с семами любви, надежды, братства:** *Люблино, Надеждино, Братцево;*

3) **образованные от христианских праздников или святых:** *Покровское, Рождествено, Троицкое, Тихвино-Никольское, Заветное;*

4) **образованные от имени или фамилии:** *Алексияновка или Воронцово, Семеновское, Куракино, Суханово;*

5) **образованные от названия рядом расположенного населенного пункта:** *Николо-Урюпино.*

Достоевский использует четвертую или пятую словообразовательную модель от названия имени/фамилии владельца или населенного пункта, расположенного поблизости. Последняя ономастическая словообразовательная модель была продуктивной в отношении крестьянских хозяйств. Для названия усадеб в середине XIX она была нечастотной. Владельцы имений предпочитали их называть «эдемными», «парадизными», «аркадийными» именами.

В середине XIX в. на территории Российской империи существовало несколько сел с названием Степанчиково. Одно из них – в Борисоглебском уезде Ярославской губернии. Об этом документально свидетельствуют архивные документы, связанные с церковью Рождества Божией Матери (1789 г.). Также существовали сельцо Степанчиково во Владимирской губернии Александровского уезда и сельцо Степанчиково в Ижевском стану Старинная вотчина Степанчиково была записана за одним из предков великого русского поэта – думным дворянином Гаврилой Григорьевичем Пушкиным. Кроме того, в трех километрах от усадьбы Достоевских Даровое располагалось имение Иванчиково, которое было хорошо известно будущему писателю. Ойконим Степанчиково образован по такой же словообразовательной ономастической модели. Использование уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик* указывает на небольшой, мелкопоместный характер имения, а также вносит игровой аспект, соотносясь с карнавальным характером происходящих в имении событий. С лингвистической точки зрения словообразование ойконима шло в направлении от антропонима следующим образом: *Степан* – *Степанчиково* с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик* и топонимообразующих формантов *-ов* и *-о*, участвующих в словообразовательном процессе вместе в одном деривационном этапе, образуя морфемный комплекс *-ово*. Достоевский с помощью

словообразовательных формантов стремился оживить внутреннюю форму ойконима, актуализируя в нем и уменьшительный, и игровой характер одновременно. Автор учитывал ближайший литературный контекст, а именно роман И.А. Гончарова, где использовано название усадьбы Обломовка, данное по имени владельца. Этот прием номинации подчеркивает типичность: каково место – таковы и люди, живущие в нем.

В § 4.4 «**Вопрос об аллюзивном топониме в структуре художественного текста**» дано определение аллюзивного топонима, описана структура его значения и функции в художественной ткани романа.

Доминантный аллюзивный топоним село Степанчиково актуализирует внетекстовую информацию и подтекст произведения, отсылая к имени купца Федора Степановича Степанова, у которого квартировал в Семипалатинске близкий друг Достоевского А.Е. Врангель. Такие детали, как имя персонажа Степан Бахчеев, «невыносимый зной», редкие цветы в усадьбе, слуга-казачок отсылают к имению Степанова *Казаков сад*, которое арендовал А.Е. Врангель и где друзья проводили лето. Для полноты картины необходимо указать, что фамилия ротного командира Достоевского в Семипалатинске также была Степанов. К сожалению, пока не известны даже инициалы и детали его биографии, кроме нескольких обстоятельств: Достоевскому «разрешили жить особо, близ казарм, за ответственностью его ротного командира, Степанова», «сам командир был горчайший пьяница, за что и был удален из Петербурга»³⁴, а его жена была интеллигентной дамой. Допускаем, что в образе страдающего алкоголизмом Коровкина могли преломиться некоторые черты Степанова. Кроме того, название места действия напоминает название города солдатской службы после каторги, являясь его параграммой – **Село Степанчиково – Семипалатинск**. С одной стороны, писателю было важно в заглавии указать на культурную семиотичность места, но с другой – не менее значимо завуалировать биографический контекст, в связи с чем топоним становится криптотопосом, кодирующим элементом художественного текста, референциальным сигналом, отсылающим к биографическому контексту Семипалатинска. Погружение аллюзивного литературного топонима Степанчиково в вертикальный контекст позволяет увидеть богатство семантических проекций, иначе осмыслить семантику заглавия романа, учитывая иронию писателя в отношении Семипалатинска и усадебного текста русской культуры. В названии произведения «просвечивает» ироническое осмысление собственного биографического опыта автора.

§ 4.5 «**Лексема “обитатели” в заглавии романа**» уточняет, что в заглавии романа эта лексема может иметь естественнонаучное значение среды обитания и употребляться в ироническом смысле, отражая увлечение Достоевского научными дискуссиями с А.Е. Врангелем и П.П. Семеновым. Но более вероятно, что автор актуализирует в романе христианско-символический контекст слова с саркастической модификацией. Другие слова того же

³⁴ Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг. – СПб., 1912. С. 18-19.

словообразовательного гнезда (обитель, обитальник(ница))³⁵ также являются библеизмами. Лексема обитель в тексте романа встречается однажды – в первой главе второй части романа «Погоня». Слово употреблено в значении «монастырь», словно развенчивая несостоявшееся место спасения Татьяны Ивановны. Так корневая словообразовательная парадигма (вертикальный контекст) лексемы обитатели позволяет Достоевскому обыграть разные значения лексемы: дворянской усадьбы, ставшей приютом; дома, похожего на постоялый двор, и райской обители, превратившейся в монастырь, в котором устанавливает правила лицемерный философ, несостоявшийся пророк. Автор актуализируя существующие в подтексте антитезы «свой/чужой», «хозяин/слуга», «братство/вражда», «мир/противостояние», отсылая к ситуации подмены хозяина (вместо Егора Ильича – Фома Фомич).

В § 4.6 «Топографические контрасты: испанские мечты в сибирской провинции» рассматривается топос Испании в повести «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково и его обитатели», который предстает не столько как географическая категория, сколько как психологическое пространство личности, как миф и символ³⁶. В художественном мире писателя мифогенный потенциал Испании как страны мечты, любви, чудес иронически развенчивается путем снижения и сопоставления с реалиями сибирской провинции. Детально разработанная Марьей Александровной мотивология неравного брака красавицы-дочери со старым князем базируется на негативном «сибирском» опыте героини, «ужасных воспоминаниях», необходимости выхода неординарной личности из неблагоприятных условий – «отвратительного городишки». Подлинные прагматические мотивы матери скрываются за стереотипными романтическими клише рецепции Испании. Первая дама Мордасова верно нащупала «больную точку» дочери, для которой Испания – неведомый экзотический мир, концентрирующий в себе реалии жизни, радикально отличной от среды существования Зины в ситуации культурного вакуума, на который обречен человек в условиях традиционного социума. Предельно обнажена эта мысль в исповедальном признании Зины князю К. в вечер объяснения: «Если решилась выйти за вас, то единственно, чтоб хоть куда-нибудь уйти отсюда, из этого проклятого города, и избавиться от всего этого смрада» (2; 386). Заметим, что для сибирского текста в целом мотив пересечения границы является одним из центральных и всегда маркирует сильную неординарную личность. Испания воспринимается как сакраментальный рубеж, способный разделить на две части человеческие судьбы Зины, князя, Васи, Мозглякова, Марьи Александровны. В отличие от обыденного мира провинции, в котором преобладает скука и томление в «глуши» с естественным желанием вырваться, Испания описывается Москалевой как возможный спасительный сценарий для героев, земной рай. Однако на утопичность и ирреальность альтернативы указывает поразительная

³⁵ См. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 тт. – М.: Русский язык, 1985. Т. 1. С. 681.

³⁶ О культе Испании у Достоевского см. Кибальник С.А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста.– Спб.: Петрополис, 2015. С. 228-230, 234.

легкость замены спутников Зины: старый князь – Вася – Мозгляков. Кроме того, положительное отношение к любовному треугольнику, опозитивированной ситуации страстного телесного томления юной девушки рядом со стариком-мужем в окружении молодого и потенциально более успешного любовника прозаически развенчивает высокие идеалы, обнажая лицемерие и корысть матери Зины, стремящейся продать дочь подороже. Топосы Сибири и Испании в повести противопоставлены географически, метрологически и психологически. Так метели, снегу, ветру и холоду как рутинным «декорациям» русских колониальных земель противопоставлен мягкий климат юга Испании. Зиме как доминантному времени года Сибири, связанному с лиминальным состоянием болезни и смерти, в испанской картине мира соответствует весна и чудесное выздоровление. Темнота зимнего вечера и неосвященные улицы провинциального города контрастны свету и солнцу Испании. Однообразию равнин с «маленькими, вставшими в землю домишками» (2; 363) противоположна вертикальная организация пространства: величественный замок Альгамбра, расположенный на горе, с которой открывается восхитительный пейзаж и панорама всей Гранады. Одним из важнейших семантических параметров Сибири в повести является бедность форштата Мордасова, квартал, «где нечего украсть» (2; 363) и узкие тротуары, тогда как в Испании – богатство и роскошь мавританского замка. «Запоздавшему мещанину или бабе в тулупе и сапогах» (2; 363) противопоставлены колоритные испанцы. Ожесточенно лающие собаки (2; 363), нападающие на прохожих и разрывающие им шубы, контрастны величественным мулам, покорно служащим человеку. Если говорить о внутреннем психологическом состоянии героев, то это болезнь, лихорадка, страх, тревога, нездоровье, сон. Сибирская провинция маркирована такими деталями как «ужасные воспоминания», смертельная болезнь, «невыносимая тоска» (2; 363), прошлое, тогда как Испания – страна мечты, поэзии, культуры человеческих отношений, в которых доминирует любовь. Этнографическая экзотика испанского мира противопоставлена реалиям сибирской провинции и является для героев символом искушения иной жизнью. Результаты увлечения Испанией оказываются бытовыми и крайне прозаическими: опьянение, расстройство свадьбы, смерть.

В § 4.7 «Топографические перекрестки: образ Германии в сибирских произведениях Ф.М. Достоевского» дешифрованы связанные с немецкостью литературные коды, установлена индивидуально-авторская вариация образа Германии как контрастная персональному авторскому сибирскому мифу Достоевского. Эта тема логично вытекает из биографического контекста. Первое письмо Достоевского по выходу из каторги (30 января – 22 февраля 1854 г., Омск), адресованное брату Михаилу, выражает стремление писателя скорее вернуться в литературу и содержит просьбу прислать книги: «Знай только, что самая первая книга, которая мне нужна, – это немецкий лексикон» (28-1; 172). В этом же письме Достоевский просит прислать и немецких философов: «Пришли мне Коран, “Critique de raison pure” Канта и

если как-нибудь в состоянии мне прислать неофициально, то пришли непременно *Гегеля*, в особенности Гегелеву “Историю философии”. С этим вся моя будущность соединена!» (28-1; 173). Это письмо принципиально важно для реконструкции круга чтения Достоевского в Сибири. После долгого перерыва писатель стремится вернуться к интенсивной интеллектуальной работе, одной из предпосылок которой являлось чтение на иностранных языках. Немецкий язык и философия воспринимались автором как предпосылки и источники собственного творческого процесса. Кроме того, с момента основания Колывано-Воскресенских заводов Алтая инженеры и специалисты в области плавки руды были привезены из Саксонии, поэтому в Сибири было много немцев, горные инженеры часто стажировались в Германии. Был силен интерес немецких ученых к Алтаю (К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер, А. Гумбольдт, Г. Розе, Ф.В. Геблер и др.). В параграфе доказывается, что латентным философским источником названия повести «Дядюшкин сон» могло быть сочинение И. Канта «Критика чистого разума». Семантика названия текста Достоевского отсылает к мысли философа о том, что в разуме таится *иллюзия*, бессмертная сестра химеры, которая рисует действительность там, где нет ничего, рождая непримиримое противоречие между двумя истинами. В основе сатирического образа князя К. в трагестированном виде отразились черты личности, биографии и сочинений И. Канта. Также в параграфе рассматривается вопрос, почему в текстах Достоевского нет ярких образов героев-немцев, это лишь второстепенные эпизодические персонажи. Как правило, они безымянны (ученый-энтомолог, управляющий), либо имеют типичные имена – Луиза Карловна. Сатирические, доходящие до шаржа художественные образы являются не выражением негативного отношения к родине Ф. Шиллера и И.В. Гете, а скорее следствие автоиронии по поводу недостаточного владения немецким языком. Писатель преклоняется перед центром европейской цивилизации (литература, философия, музыка, образование, техника), названы знаковые фигуры немецкой культуры (Кант, Бетховен и др.), обозначены топосы (Франкфурт, Карлсруэ), в произведениях используются немецкие выражения. В итоге создается емкий, многогранный образ Германии. Однако Достоевский предупреждает, что бездумное копирование, увлечение европейским грозит России утратой национальной самобытности. Художественными средствами комического, путем гиперболизации, акцентирования, антитезы автору удается поставить серьезные вопросы чистоты русского языка, престижа и качества европейского образования, целесообразности культурной трансплантации, сохранения национальной идентичности.

В § 4.8 «“Записки из Мертвого дома”: топография и семиотика Сибири» обозначены проблема жанра и основные подходы ее решения, поставлен вопрос об амбивалентности пространства, заложенной в заглавной метафоре «Мертвого дома», выдвинута гипотеза о диалоге московского и сибирского текстов Достоевского. Топография Сибири в «Записках» в упрощенном виде представляет собой три круга, расположенных по принципу

включения (подчинения). Внешний круг – *мир Божий* – необъятный пустынный простор, символический берег новой жизни и пространство свободы, он предполагает духовное пробуждение личности (это вертикаль, ее символ – парящая в небе «птица в синем, прозрачном воздухе» – 4; 178). Он маркирован дважды положительно и мыслится как итог страданий и финал книги – «кандалы упали <...> да, с Богом! Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых...» (4; 232). Следующий уровень – город, который описан автором иронически, но маркирован положительно. Это мир социума. Третий уровень представлен оградой острога и маркирован отрицательно. Ограда крепости разделяет пространство художественного мира на “свет божий”, где “далекое вольное небо”, “светлый вольный мир”, “как какая-то несбыточная сказка” (4; 9), и “ад, тьму кромешную” (4; 12), где “там и шум был нестерпимый” (4; 24) и тени, терзаемые “страшной, ядущей тоской”, “тихо, плавно” (4; 69) движутся в сумерках. В крепостной ограде отмечены “крепкие ворота”, в которые входит грешная душа, оставляя все чаяния, но в *страдании, терпении, смирении* вновь обретает надежду на спасение. Вход в острог и выход за его ворота героя-повествователя являются композиционными элементами, обозначающими начало и конец повествования и обуславливающими его единство.

§ 4.9 «Автопсихологический мотив невинно осужденного в “Записках из Мертвого дома”» демонстрирует, что кроме традиционной в науке параллели повествователя и автора автопсихологизм Достоевского проецируется также на образ невинного осужденного отцеубийцы. Его история, созданная по принципу досье и постепенно эксплицирующая характер дворянина, позволяет предположить аналогию его судьбы с судьбой биографического автора – Достоевского – как «невинно осужденного», терпящего жестокое наказание «напрасно». Политическое преступление оценивалось как посягательство на самодержавие, т.е. на царя – отца российского государства, и в этом смысле оказавшийся невиновным отцеубийца проясняет самоощущение другого мнимого «отцеубийцы» – автора, тем более что в истории права отцеубийство приравнилось к женоубийству и к цареубийству. И.Л. Волгин, указывая, что «приговор Достоевскому юридически слабо обоснован», считает, что «сам *потерпевший* никогда не затрагивал этот сюжет».³⁷ На наш взгляд, отраженно биографический сюжет о невинно осужденном затронут в истории безымянного мнимого отцеубийцы, которая «прошивает» «книгу очерков», создает систему разветвленных связей, сцепляющих множество лиц общностью подобной судьбы, организующих сюжетно-эмпирический материал мотивом жертвы правосудия. Кроме фигуры невинного «отцеубийцы», на страницах «Записок...» встречаются и другие, не менее яркие, герои с подобной судьбой: юноша-горец Алей и семья крестьян Ломовых. Таким образом, фигура невинно осужденного вырастает до символического образа всей каторги.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования, намечены перспективы дальнейшей работы.

³⁷ Волгин И.Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. – М., 2000. С. 536

В диссертации осуществлено комплексное исследование сибирского текста Достоевского в нескольких аспектах: биографическом, краеведческом, эстетическом, поэтическом, жанровом и т.д. Проведенное исследование выявило важность и обширность поставленной проблемы. Настоящая работа – первое комплексное исследование сибирского текста Достоевского. Путем привлечения новых архивных документов выявлены более глубокие связи писателя с Сибирью; в общепроvincialном колорите произведений Достоевского вычленены барнаульские, семипалатинские, кузнецкие, омские и др. аллюзии; обнаружены источники деталей, тем и образов; дан развернутый литературоведческий, исторический и культурологический комментарий: названы имена прототипов героев (А.Р. Гернгросс, Р.А. Гернгросс, Ф.В. Геблер, И.А. Преображенский, о. Макарий (М.Я. Глухарев), Л.Ф. Львова, Н.Н. Львова, Ф.С. Степанов и др.). Новые историко-литературные факты существенно углубляют современные представления о сибирском этапе биографии и творчества писателя, открывают возможности для поиска прототипов образов и неожиданных интерпретаций, вписывают новую страницу в локальный текст Достоевского. В диссертации решены значимые для науки задачи интерпретации и определения места сибирских произведений в наследии автора, что должно стать новым стимулом дальнейшего изучения жанров, поэтики, нарративных стратегий, стиля, мотивов и символов творчества русского писателя.

Перспективы – возможные направления дальнейшего целостного осмысления сибирского текста Достоевского – видятся такие: поиск и привлечение новых архивных документов, их историко-литературное обоснование, а затем использование в комментировании и интерпретации творчества писателя; рассмотрение семиотических механизмов формирования территориального мифа Сибири в контексте всего творчества Достоевского; исследование нарративных стратегий авторского дискурса, определивших специфику и своеобразие его сибирского текста.

Данное исследование не претендует на исчерпывающее исследование заявленной темы, некоторые выводы могут, несомненно, представляться спорными. Дальнейший поиск новых материалов откроет новые страницы сибирского текста Достоевского.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монография:

1. Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского.– Барнаул: Изд-во Алт.гос. ун-та, 2020. –446с.

Публикации, входящие в базы Scopus и Web of Science:

2. Сафронова Е.Ю. Топос Испании в сибирских повестях Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 101-112. ИФ РИНЦ – 0,235.

3. Сафронова Е.Ю. Образ Германии в сибирских произведениях Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С.113-141. ИФ РИНЦ – 0,235.

Публикации, входящие в базы Web of Science:

4. Сафронова Е.Ю. «Объяснение» Ф.М. Достоевского следственной комиссии: структура документально-художественного целого // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (167). С. 123-138. ИФ РИНЦ – 0,247.
5. Сафронова Е.Ю. Genius loci в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Том 16. № 3. С. 65-84. ИФ РИНЦ – 0,297.
6. Сафронова Е.Ю. Прототип ученого немца в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Неизвестный Достоевский. 2019. Т. 6. № 2. С. 110-129. ИФ РИНЦ – 0,618.
7. Сафронова Е.Ю. Сибирские маршруты Ф.М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. Том 7. № 1. С. 13–41. ИФ РИНЦ – 0,618.
8. Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф. М. Достоевского: проблемы и перспективы // Неизвестный Достоевский. 2020. Том 7. № 3. С. 54-96. ИФ РИНЦ – 0,618.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 10.01.01

9. Сафронова Е.Ю. Роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» в правовом аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2006. Вып. 8 (59). С. 53-57. ИФ РИНЦ – 0,32.
10. Сафронова Е.Ю. Право в художественном сознании Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 147-157. ИФ РИНЦ – 0,32.
11. Сафронова Е.Ю. Нравственно-психологические аспекты криминальных мотивов в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» // Филология и человек.– 2013. №1. С.19-31. ИФ РИНЦ – 0,154.
12. Сафронова Е.Ю. Метафизический «дантовский» код в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2013. №2. С.73-83. ИФ РИНЦ – 0,154.
13. Сафронова Е.Ю. Отказ от правовой защиты героев-жертв в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» как социальный архетип // Филология и человек. 2013. № 4. С. 7-17. ИФ РИНЦ – 0,154.
14. Сафронова Е.Ю. Художественный «кодекс» Ф.М. Достоевского: система наказаний в «Записках из Мертвого дома» // Филология и человек. 2015. №.1. С. 77-89. ИФ РИНЦ – 0,154.
15. Сафронова Е.Ю. Традиции ораторских жанров в «Объяснении» Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2015. № 4. С. 40-48. ИФ РИНЦ – 0,154.

16. Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского и Г.Д. Гребенщикова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки» 2018. №1. С. 170-175. ИФ РИНЦ – 0,082.
17. Сафронова Е.Ю. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: барнаульские впечатления Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2018. № 3. С. 137-156. ИФ РИНЦ – 0,154.
18. Сафронова Е.Ю. «Дядюшкин сон»: проблема жанра произведения Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2019. № 3. С. 82-100. ИФ РИНЦ – 0,154.
19. Сафронова Е.Ю. Вопрос о жанре произведения Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Филология и человек. 2021. № 1. С. 114-133. ИФ РИНЦ – 0,154.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования РФ для публикации основных результатов

докторских диссертаций:

20. Сафронова Е.Ю. Литературные стратегии поведения Ф.М. Достоевского в деле петрашевцев // Вестник молодых ученых. 2005. № 2. (Серия: Филологические науки. 2005. № 1). С. 61-66.
21. Сафронова Е.Ю. Индивидуализация криминального факта в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: автопсихологический аспект // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 101-109. ИФ РИНЦ – 0,333.
22. Сафронова Е.Ю. Ф.М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 76-85. ИФ РИНЦ – 0,333
23. Сафронова Е.Ю. Наказание в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: метафизика воздаяния // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3-1(87) С. 134-142. ИФ РИНЦ – 0,278.
24. Сафронова Е.Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф.М. Достоевского // Культура и текст. 2017. 3(30). С. 125-138. ИФ РИНЦ – 0,205.
25. Сафронова Е.Ю. К вопросу о городе Мордасове: А.Н. Гернгросс и Ф.М. Достоевский (архивные разыскания) // Культура и текст. 2018. № 1 (32). С. 118-143. ИФ РИНЦ – 0,205.
26. Сафронова Е.Ю. Топографические детали повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон»: холера и скотский падеж // Культура и текст. 2020. №1(40). С. 84-105. ИФ РИНЦ - 0,205.

Коллективные монографии:

27. Сафронова Е.Ю. Проблема человеческого суда в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Художественное произведение: структура, дискурс, медиа: коллективная монография, посвящённая 75-летию С.М.

Козловой / под ред. С.М. Козловой, Е.Ю. Сафроновой, Т.В. Чернышовой. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. С. 57-65.

28. Сафронова Е.Ю. «Село Степанчиково и его обитатели» и «Набег на Барсуковку»: пародийно-сатирический модус в изображении усадьбы у Ф.М. Достоевского и М.А. Кузмина // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. С.85-98.

Перечень публикаций, входящих в базу РИНЦ:

29. Сафронова Е.Ю. Барнаул в эпистолярном творчестве Ф.М. Достоевского: к 160-летию первого визита писателя // Алтайский текст в русской культуре: сб. ст. / Под ред. М.П. Гребневой.– Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 311-324.
30. Сафронова Е.Ю. Барнаульский текст Ф.М. Достоевского (к постановке проблемы) // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст. / отв. ред. А.И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 102-110.
31. Сафронова Е.Ю. Литературные источники «Объяснения» Достоевского на процессе по делу петрашевцев // Современные проблемы изучения поэтики и биографии Достоевского: Рецепция, вариации, интерпретации / под ред. В.Н. Захарова, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова. (DOSTOEVSKY MONOGRAPHS; вып.5). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. С. 275-287.
32. Сафронова Е.Ю. Топос Сибири в творчестве Ф.М. Достоевского // Алтайский текст в русской культуре: сб. статей / Под ред. М.П. Гребневой, Е.Ю. Сафроновой, Ю.В. Трубниковой. – Барнаул, 2017. Вып. 7. С.154-168.
33. Сафронова Е.Ю. Топос усадебного рая в романе Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2019. Том 7. № 2 (14). С. 169-186. ИФ РИНЦ – 0,065.
34. Сафронова Е.Ю. К вопросу о прототипе “хорошенького мальчика” сибирских произведений Ф.М. Достоевского («Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели») // Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст.: / науч. ред. Е.Д. Трухан; отв. ред. А.А. Балакай. Вып. XII.– Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. С. 19-30.
35. Сафронова Е.Ю. Каков был уровень владения немецким языком у Ф.М. Достоевского? // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Науч. ред. Н.А. Матвеева, отв. ред. Т.П. Сухотерина. – Барнаул, ФГБОУ АлтПГУ, 2020. С. 337-339.

Статьи в сборниках по итогам конференций:

36. Сафронова Е.Ю. Дело петрашевцев в творческой лаборатории романа «Преступление и наказание» // XVI SYMPOSIUM of the International DOSTOEVSKY Society «The Legacy of F.M. Dostoevsky: 150 Years since the

Publication of «Crime and Punishment». Book of abstracts. June, 7-10, 2016. The Centre Federico Garcia Lorca, University of Granada. 2016. С. 26-28.

37. Сафронова Е.Ю. Барнаул в творческой рефлексии Ф.М. Достоевского // Славянские языки и культура в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. Ломоносова, филологический факультет, 23-26 мая 2016 г.). К юбилею Ремневой. Сост. О.В. Дедова и др. – М., 2016. С. 418-421.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 09.03.2021.

Формат 60x84 1 / 16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 2,56. Тираж 100. Заказ 60.

Типография Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66